Владислав Зубченко

ТАБОРОВ

ТАБОРІВ

Владислав Зубченко

ТАБОРОВ
ТАБОРІВ

Русско-украинская повесть

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР МВГ

Оренбург
2021

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4
З 91

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Владислав Зубченко. Таборов. Повесть.— Оренбург: Издательский центр МВГ, 2021.—100 с.

ISBN 978-5-9075020-3-1

12+

© Владислав Зубченко, повесть, 2021 г.
© Издательский центр МВГ, 2021 г.

Моим родителям,
а также всем родным,
живущим в безмерно любимой
мною Украине, посвящаю...

* * *

1979 год. Село Таборов, Украина

Гроза трясла сеновал над домашним хлевом, но дождя ещё не было. Чёрное до слепоты ночное таборовское небо на мгновение вдруг становилось белым, на горизонте вычерчивались крыши хат, одинокие старые дубы и груши, и ещё — старая деревянная церковь. Летящая к церкви молния отражалась в её куполе и, отпрянув, словно испугавшись своего собственного облика, пряталась обратно в тучи, чтобы спустя несколько секунд попробовать прорваться ещё раз.

— Это Бог дьявола гонит,— послышался сверху мальчишеский голос.— Мне баба Нина наша говорила, что храм на горе построили, чтобы Господь всю чертовщину от села отгонял.

Возле узкого дверного проёма сеновала вот уже больше часа сидели трое двоюродных братьев, любуясь всей этой апокалипсической картиной. Раз... два... три... ба-а-ах! Ночью в селе всё по-другому, не то что днём. Тут такое на раз-два придумывается! И мурашки по коже страх уже рассыпал, и жутко одному вниз по лестнице спуститься, чтобы до туалета добежать: схватит кто-то чёрный и утащит. Терпеть до утра сил нет, и надо кому-то из братьев признаться, чтобы вместе идти. Кто первый сдастся?

— Да брешешь ты всё, Витя! — возразил голос постарше.— Нет никакого дьявола. Вот и дед Иван говорит: выдумки всё это поповские.

— Ей-богу, не брешу, Сергей! — обиженно отозвался Витя.— Хочешь, перекрещусь? Я пионер, но перекрещусь!

— Хочешь, крестись, только всё равно брешешь. Спать бы пора, три часа уже,— ёрзая, попытался как можно равнодушнее протянуть старший из братьев, Сергей.

Весь мир вокруг пах душным влажным сеном, и вкуснее этого запаха ничего на свете сейчас не было. Где-то шуршали мыши, из укрытия разглядывая нежданных гостей. Начинали трещать, но, заслышав людские голоса, снова умолкали сверчки. Дождь, наконец, закапал над селом, разбавляя скопившуюся духоту, с каждой секундой набирая силу.

— А Бог-то есть? — раздался голос третьего из братьев.— Если дьявола нет, то зачем Бог тогда нужен, а?

— Про Бога, Владик, дед Иван ничего не говорил,— задумался Витя.— Но не может же человек в дьявола не верить, а в Бога верить.

— Дед Иван ни в кого не верит, а баба Нина — во всех,— со знанием в голосе заключил Сергей.— Она верующая, понимаете? Но она сейчас по секрету как бы верит.

— Просто мой батька с вашими батьками вчера смеялись, говорили, что дед от бабы горилку за иконой всегда прячет вместо святой воды.— Влад отодвинулся в глубь сеновала.— Баба Нина туда полезла как-то, чтобы водой хату от бесов окропить и...

— Бесы горилки не боятся,— засмеялся Сергей.

— Вот, Бог всё видит,— упрекнул Витя.— Нельзя так.

— А что, в туалет никто не хочет? — не выдержал первым Сергей.

— Хочу! — с чувством облегчения разом выдохнули Влад и Витя...

— Договаривались спать, а сами потом опять страшную историю просили рассказать,— когда спустились, на всякий случай напомнил Влад, намекая на продолжение.

— Ага, а потом ещё кто-то во сне разговаривал со страху,— подмигнул идущий впереди с фонариком Серёга, озорно глядя на младших.— Это Витя у нас боится.

— Сам ты боишься,— обиженно возразил самый младший из троих, Витя.— Докажи, что я! Может, сам Владик и говорил.

— Не-е, ты. Потому что на украинском говорил,— покачал головой старший.— Владик украинского не знает — он у нас кацап.

— Причём тут это? — насупился средний.— Хватит уже! Знаешь же, что я наполовину. Здесь я украинец, а приеду домой — буду русским. Да и какая разница?

— Да что ты дуешься, братишка? — обернулся к Владу Серёга.— Шучу же!

Фонарик неожиданно погас, и рядом с братьями пробежал кто-то невидимый. Все трое замерли, как по команде. В ту же секунду молния осветила небо, и громыхнуло совсем рядом. Влад отступил на шаг, и из-под его ноги с грохотом покатилось что-то железное.

— А-а! Видел! Я его видел! — заорал вдруг Витя, показывая пальцем в сторону туалета.— Вон там стоял, чёрный весь. Чур меня, чур! Сгинь!

— Да тихо ты! — зашипел на него Серёга.— Нема там никого.

— Есть, мамой клянусь,— быстро зашептал младший и начал креститься.

— Чего ты всё крестишься? — Сергей вглядывался в темень.— Это Владик вчера историю рассказывал, тебе и показалось.

Братья на всякий случай остались стоять на месте. Надо сказать, что в последние дни в Таборове на самом деле стали происходить некоторые очень странные вещи. Об этом со страхом шептались женщины, а мужики, хоть и предпочитали не верить во всякую бабью чушь, но на всякий случай, подслушав, запоминали сказанное. Вот и сейчас, казалось, сверкнёт, и на миг вдалеке появится тот страшный в капюшоне из ночного рассказа Влада. А когда сверкнёт снова, он будет уже совсем рядом... Сергей отчего-то так ясно представил себе эту картину, что попятился.

— Так что, идём до туалета? — первым спросил Влад.

— Кто его знает? — засомневался Серёга. — А вдруг чего и есть? Лучше здесь давайте...

— Витя, а что ты вчера про старую церковь Сергею говорил? — спросил Влад, когда, закончив мужские дела, все трое бегом возвращались на сеновал. — Секретничали?

— Ничего не секретничали, — обернулся уже лезший по лестнице Витя. — Просто вы все смеётесь, когда я про Бога говорю.

— Не буду я смеяться, вот тебе крест, — постарался убедить брата Влад.

— Ладно, залезайте, расскажу, — согласился Витя.

— Хорошо, — дал добро старший. — Давайте по-быстрому наверх, а то дождь вовсю сейчас лупанёт.

На сеновале постель стала ещё влажнее, и все трое улеглись, не снимая верхней одежды.

— Говорят, что храм этот особенный, — шёпот Вити отчего-то уже казался страшным. — Я слышал, как баба Нина про это бабе Одарке рассказывала. Говорила, что по ночам там свечи горят и молитву слышно.

— Ну да-а? — протянул Влад. — Там же заколочено всё досками и травой заросло.

— От нечистого это, все так думают, — таким же шёпотом сказал Витя. — Люди теперь ту церковь стороной обходят. А ещё я слышал, что в храм тайный ход есть, только его никто не знает. Вот если бы найти...

— Ну вы даёте, — послышался как всегда недоверчивый голос Сергея. — Сказки всё это, нема там никого.

— Может, проверим? — перебил его Влад. — Сколько тут идти, если быстро?

— Даже не думай, Владик, — на правах старшего отрезал Сергей. — Уйдём — вдруг хватятся? Твой батька первым панику поднимет.

— Давайте хоть днём дойдём, — предложил Витя.

— Днём можно, — уже засыпая, ответил старший. — Днём хоть завтра... Сами убедитесь... Всё, я спать...

* * *

Дождя больше не было. Солнце уже давно встало над Таборовом и заблестело в водах местной Раставицы. По её берегам всё, куда можно было упасть взгляду, терялось в зарослях подсолнуха. С первыми лучами они распрямили спины, стараясь подставить новому солнцу свои чёрные, окаймлённые рыжими волосами и бородами лица. Воды ночного ливня, промочившего соломенные крыши хат, превратившего в грязное месиво единственную деревенскую дорогу, быстро высыхали, и совсем старый пёс Мухтар едва успевал напиться из таявшей на глазах дорожной лужи. Росшая во дворе, отмытая дождём до блеска любимая шелковица, казалось, пахла ещё сильнее.

Но братья ничего этого не видели, потому что снова уснули только с рассветом, видя странные сны, что-то шепча губами, щурясь от залезшего сквозь щель на сеновал острого надоедливого солнечного луча.

Во двор с удочками, ведром и маленькой, наспех сбитой из найденных в сарае деревяшек табуреткой вышел красивый мужик с чёрной шевелюрой и орлиным взором, сильно припадая на левую ногу. Человек что-то поискал глазами и вскоре взял в руку прислонённый к забору небольшой бадик.

— Что, Лена, хлопцы спят ещё? — спросил он своего же возраста женщину, чистившую и бросавшую в старый чугунок одну за другой маленькие картошины. — Опять всю ночь болтали.

— А ты почём слышал, что болтали? — хитро переспросила мама Сергея Лена, не глядя на мужчину. — А это потому, что ты, Аркаша, с Василём и Сашком до двух ночи тут на веранде вытворяли.

— О-о, о-о, ты диви! Чего вытворяли? — огрызнулся Аркадий. — Я вообще не пью.

— Да ты что?! — заулыбалась полноватая Лена, плюхнув очередную картошину в чугунок. — Может, там у себя в России и не пьёшь.

— У нас не пьють, — бездоказательно отрезал Аркадий, как-то особенно смешно путая русские слова с украинскими. — Не положено.

— О, ты диви! Кем не положено? — повысила голос Лена. — Не бреши, Аркаша. Все пьют — и в России, и в Украине.

Родные братья Аркадий, Василь и Сашко — местные, из Таборова. Выросли, разъехались искать каждый своё счастье и совсем не думали скучать по дому. Но помнила братьев молодая шелковица, выросшая в их саду, тот самый сеновал с душистым горьковатым сеном, изогнутая в косе, роняющая в карие камыши свои прозрачные слёзы Раставица. А ещё помнили отец с матерью, глядевшие по утрам на пыльную таборовскую дорогу, по которой уходил каждый из сыновей. Нет, не забыли и они…

Вместе братья собирались в августе, когда на родину наведывался старший, Аркадий, добираясь поездами аж с самого Урала. Сюда же приезжали сёстры Лена, Лида и Галя, и тогда в доме их отца Ивана и мамы Нины было шумно и весело. А за чаркой горилки чего только не вспомнится! Вот и вчера за ужином в доме братья бурно обсуждали давнюю выходку младшего Сашка — первого красавца на селе, выучившегося в Киеве на учителя и имевшего от рождения характер хоть и скверный, но весьма весёлый…

* * *

Началось всё пять лет назад с деревенской свадьбы, на которой родители во что бы то ни стало решили по христианскому обычаю обвенчать молодых Любу и Ивана. А поскольку ни действующего храма, ни настоятеля в Таборове не было, за батюшкой послали в район. Однако к назначенному часу, перебрав горилки то ли на похоронах, то ли на крестинах, батюшка не явился.

— Ой, как же теперь-то? — причитала мать невесты Ганя. — Они что ж, в постель невенчанными лягут? Грех-то какой!

— Замолчи ты уже! — то и дело намахивался на неё, меряя шагами двор, муж Петро. — Батюшку надо искать срочно.

— Повезло вам, соседи, я могу обвенчать. — Молодой студент Сашко стоял у калитки. — Теперь же для всех студентов мужско-

го пола курсы у нас в университете богословские организовали, факультатив.

— Факуль... чего? — растерялся от незнакомых слов Петро.— Ты мне прямо скажи: можно тебе венчать?

— Можно,— уверенно кивнул Сашко.

— Петро, пусть отец Александр венчает! — взмолившись, выпалила Ганя.— Отец Александр, обвенчай деток наших!

— Коли так, пусть венчает,— закивал Петро.— Венчай, батюшка.

В эту минуту Сашко понял, что хватил лишку, но родственники молодых глядели на него, как на ангела, собравшегося было обратно к себе на небеса.

— Ладно,— выдавил студент.— Повенчаю. Отчего ж не повенчать?

— Люба, одевайся быстро! — заорал на дочку Петро.— За Иваном бегите. Свечи из шкатулки доставайте! В хате все встанем, батюшка?

— Сейчас, сейчас,— попятился студент и бросился к своей хате.

— Мама, Библию дайте, пожалуйста,— с ходу подскочил Сашко к матери.

— На что она тебе? — охнула мать.— Ты ж отродясь её в руки не брал!

— Это сейчас не важно, давайте уже,— торопил сын...

В хате невесты всё было готово к таинству. Под иконой горели свечи, а для отца Александра, так счастливо явившегося молодым, будто по воле Божьей, посреди передней комнаты громоздился накрытый белой скатертью стол. Перед столом об руку с Иваном стояла в свадебном платье Люба, трепеща от счастья. Сашко вошёл в комнату в обычном костюме, правда, с шеи его свисал массивный крест. Ничуть не смущаясь удивлённых взглядов, он прошёл прямо к столу и положил на него Библию.

— Венчается раба Божья Любовь рабу божьему Ивану...— загудел неожиданно красивый баритон студента.

Гости ахнули: настоящий батюшка, хоть и без рясы, но голос-то, голос! Как у самого Спасителя. Сашко тем временем, дочитав на память всё, что запомнил с других венчаний, решил импровизировать, благо Писание в Таборове никто толком не знал.

— Любите друг друга в радости и в горести, потому как Господь наш говорил, что жена к мужу прилепится и будет плоть едина...— неумолимо приближал к концу таинство отец Александр.

Спустя минут двадцать всё закончилось. Молодожёны выглядели счастливыми, а очарованные голосом молодого красавца священника гости потянулись к Сашку за благословением...

* * *

— Ты ж грех на душу взял, Сашко,— хохоча, упрекал брата Василь.— И зачем Петру через год после свадьбы рассказал, что ты не батюшка вовсе?

— Ну рассказал и рассказал,— невозмутимо подтвердил Сашко.— Думал, посмеёмся.

— А он что?— уточнил Аркадий.

— Что-что? Сказал, что так нельзя, наверное, было,— пожал плечами Сашко.— Ходил всё до вечера, думал себе. А я ему: что ж теперь, по-новому венчать? У них как раз и сын родился, Сашком назвали.

— Это в честь тебя, что ли?— снова захохотал Василь.— Они уже пять лет живут, и добре живут.

— Вот и я Петру то же самое сказал,— заметил младший.— Это же главное, правда?

— А у батюшки потом спрашивали про это?— поинтересовался Аркадий.— Ну, большой грех или не очень?

— Спрашивали,— кивнул Сашко.— Он сказал, что Бог сам там разберётся.

— С кем? Ой, Сашко, молись, чтобы ни Бога, ни чёрта не было, как теперь учат!— захохотал опять Василь.

— Чего ты цепляешься всё?— занервничал тот.

— А ты думаешь, черти тебя на том свете горилкой поить будут, чтобы ты им байки гутарил?

— Прекрати, Василь, чёрта к ночи поминать! — махнул на него брат. — Это вот грех так грех, ибо живёт чёрт в душе у каждого, и совладать с ним иной раз нелегко... И наливайте уже!..

Утро всё набирало силу, и Аркадий, громко зевнув, взял удочки.

— Хлопцы пусть встают уже, — махнув бадиком на дверцу сеновала, отдал он приказ, нисколько не рассчитывая на его выполнение, и открыл калитку.

— Да пусть дрыхнут хоть до обеда, — крикнула вдогонку Лена. — Иди уже на свою рыбалку, поймай кого-нибудь.

— У вас тут рыбы нема, — захромал Аркадий к берегу, и скоро голова его, появляясь и исчезая с каждым шагом среди подсолнухов, скрылась из виду.

— Вот брешет, а? — уставила руки в бока только что вышедшая из хаты во двор, похожая своей черноволосой красотой на Аркадия мама Вити Лида. — Есть тут рыба, да он ловить её не умеет. Лена, красивый у нас братик, верно?

— Красивый, красивый, — закончив с картошкой, подтвердила Лена, глядя туда, где скрылся в подсолнухах хромавший брат. — Жаль, что с ногой так вышло...

* * *

Ноги у брата не было. Зато была жизнь. В той давней страшной истории о чёртовой карусели, о которой, не сговариваясь, здесь все молчали, судьба дала Аркадию всего один шанс из тысячи, но он поставил на жизнь всё, что у него оставалось, и сорвал свой джекпот.

В больничной палате, где запахи камфары, медицинского спирта, йода и ещё бог знает чего соединялись вместе, Аркадий продолжал лететь на чёртовой карусели и кричал, чтобы её остановили. А потом всё исчезло...

— Зрачки не реагируют, — чей-то мужской голос звучал очень далеко и то и дело пропадал в сплошном белом шуме. — Что

с ним такое? Обычная травматическая ампутация в его годы при таком богатырском здоровье — это тьфу. А он помрёт у нас сейчас...

— Кровь, Сергей Сергеич! Кровь не та!– как-то страшно закричал откуда-то с другой стороны совсем молодой женский голос, и Аркадию почему-то показалось, что он знает эту девушку. — У него же первая, а ему третью вливают!

— Чёрт! А ну быстро!..

Уже лёжа в палате смертников, куда его, как шепнула нянечка, определил умирать главврач, Аркадий точно решил, что выживет, чтобы узнать, кто был этим ангелом, обернувшимся девушкой и спустившимся к нему с небес. А может, он и сам поднимался туда на какое-то время, но вернулся на землю, и девушка-ангел осталась там, где и положено жить ангелам. Аркадий хотел было снова, как в детстве, поверить в Бога, но однажды дверь палаты открылась, и вошла она во всём медицинском белом. Спустя год они поженились...

* * *

Теперь, шестнадцать лет спустя, давно живший в России Аркадий лишь благодарил судьбу за всё, на зависть всем несчастьям явив с женой на белый свет сына Владика. И сейчас Аркадий шёл в это прохладное задождевое августовское утро к родной Раставице на любимую рыбалку через владения соседа Юракова. Задетые им мокрые юраковские подсолнухи обрушивали ему на плечи всю оставшуюся после умывания воду, а трава предательски скользила под пластмассовой ногой Аркадия, напоминая ему, что он уже не тот мальчишка, бежавший здесь много лет назад с удочками рано утром, чтобы обязательно быть с рыбой.

Раставица была распогожена тёплым утренним солнцем и лёгким, почти призрачным ветерком. Катившие куда-то к Днепру волны убегали от него, как чай от дуновения в блюдце. Аркадий спустился на берег, и лицо его приобрело выражение, какое только может быть у человека, которого лишили удоволь-

ствия или, по крайней мере, отодвинули его на неопределённое время.

— А ты чего это моё место занял, Миша? — не здороваясь и не меняя даже для приличия лица, поинтересовался Аркадий.

— Здоров, здоров, да садись уже рядом,— зашикал на него Миша, не спуская глаз с удочки. — Ах ты крокодил! Ушёл, а!

Миша выдернул пустую удочку со съеденным червём.

— Вот же крокодил! — повторил он.

Крокодилами Миша обзывал всех, и в деревне это хорошо знали. Он называл так попавшую под горячую руку жену Стасю, обоих сыновей и даже маленьких внуков. Мишину собаку, разумеется, тоже звали Крокодилом. Михайло был знатным рыболовом и, как уже понятно, любую выловленную им рыбу, невзирая на её происхождение, обязательно нарекал крокодилом. Это любимое им ругательство ему даже шло, но окончательно прилипло к нему в качестве прозвища после одной истории, однажды произошедшей на берегу Раставицы таким же погожим летним днём…

* * *

В то вроде бы поначалу задавшееся утро Михайло, взяв пару удилищ и банку червей, отправился на любимое место к реке. Закинув удочки, он сразу погрузился в самые сокровенные, приходящие любому рыбаку лишь на рыбалке мысли. О чём думают рыбаки, сидя часами у воды, никто никогда не узнает, но совершенно ясно, что совсем не о рыбе.

— Греет как,— охватив взглядом синее таборовское небо, стянул с себя утреннюю телогрейку Миша. — Добрый денёк выйдет.

Не клевало, и вместо поплавков нос Михайло начал опускаться всё ниже, когда один из них вдруг юркнул и исчез с поверхности воды. Но ведь рыбак на то и рыбак, чтобы видеть цель даже закрытым глазом. Миша, как опытный снайпер, дремавший лишь наполовину, подождал ещё секунду и резко выдернул удочку с добычей.

— Иди сюды, крокодил,— разглядывая летящую по воздуху рыбу, голосом чемпиона произнёс рыбак, удовлетворённый первым утренним карасиком.

В то же самое мгновение второй крючок захватил другой крокодил, таща поплавок вниз. Михайло тут же ловким движением забросил первую удочку с рыбой через плечо и принялся выуживать вторую.

— Иди ко мне, не бойся,— почти ласково шептал он повисшей над водой и готовой поверить ему на слово рыбе.— А может, я тебя и не съем, вдруг ты золотая?

Ко всему прочему, Миша не только ловил, но ещё и разговаривал с рыбами, и про эту Мишину особенность рыбаки знали, крутя у виска пальцем. Особенность появилась у Михайлы в раннем детстве, когда его родная бабка Василиса, а попросту баба Вася, читала ему наизусть сказки. Бабка давно померла, Михайло вырос, но сказка почему-то осталась в его душе.

Первый добытый карась бился в зелёной траве, ожидая своей рыбьей участи. Но Миша Крокодил, как оказалось, был в это утро на берегу не один. За ним внимательно наблюдал юраковский кот Марко. Чтобы попусту не ломать голову, таборовчане звали этим именем абсолютно всех котов в селе, приписывая каждому лишь фамилию хозяина. Котов было много, а про кошачьи святки никто здесь отродясь не слыхивал. Марко, наконец, решил рискнуть. Улучив момент, он шмыгнул из засады и, подобравшись на опасное расстояние, схватил законный Мишин улов. Удача улыбалась коту — рыбак был всецело поглощён беседой со второй рыбой, оказавшейся крупнее.

— Ну что, пошли до меня домой? — поднеся к лицу плотвичку, расспрашивал её Михайло.— Молчишь, да? Хорошо тебе было в речке, наверное, да вот не повезло. Жила бы себе и жила, и на что тебе этот червяк дался? Эх, ну ты уж извини.

Карась уже хрустел в кошачьих зубах, когда, вновь убедившись, что рыбы в Раставице не говорят, Миша разочарованно бросил плотвичку в ведро и вспомнил про карасика. Не оборачиваясь, он взмахнул удочкой из-за плеча...

Рыбак так и не успел удивиться тяжести маленькой рыбки: пойманный на рыболовный крючок Марко Юраков с недоеденной добычей в зубах взмыл вверх и, описав незамысловатую траекторию, сломав в верхней точке полёта напополам удочку, приземлился аккурат на голову Михайлы, попытавшись, к тому же, удержаться на ней какое-то время…

Вопль «кро-ко-ди-ил!» в селе помнят и сейчас. Несколько рыбаков, сидевших в то утро вдоль Раставицы, могли наблюдать весьма странную картину: по берегу, волоча за собой сломанную удочку и леску, с торчащим из окровавленной пасти рыбьим хвостом наугад мчался Марко. Кот на полном ходу влетел в подсолнухи и пропал. Впрочем, спустя пару дней он объявился как ни в чём не бывало…

* * *

Вспомнив об этом случае, Аркадий улыбнулся и расположился недалеко от Крокодила на принесённом стульчике, вытянув пластмассовую ногу вперёд и закинув удочки. Настроение его сразу улучшилось. Эх! От удовольствия защекотало где-то в носу, но Аркадий удержался от чиха, которым до сих пор пугал жену и сына, и Миша с благодарностью посмотрел на соседа. Впереди были три-четыре часа незабываемых ощущений ожидания и надежды, всеобщего молчания и полного единения с этой родной до самых кончиков пальцев природой.

Запах сена оставался на коже и одежде Сергея, Влада и Вити, даже когда ближе к полудню они спускались с сеновала. Старый Мухтар на всякий случай каждый раз долго обнюхивал их заново, будто сам мечтал сменить тесную будку на тот самый загадочный сеновал, куда забраться по лестнице своими собачьими лапами он не мог. Да и попробуй, заберись! Дед Иван огреет чем-нибудь тяжёлым так, что будешь помнить весь свой недолгий собачий век.

Внизу братьев ждала самая главная еда на свете: свежее парное молоко и паляница с мёдом.

— Садитесь уже, хлопцы! — зашумела для порядка черноволосая Лида, мама Вити.

Да парни уже и сами давно за столом. И из чего баба Нина делает эту паляницу? Вроде обычный хлеб, но, выпекая его по утрам, она словно замешивает в него какое-то зелье и обязательно знает тайный заговор. Главное — отогнать назойливых таборовских мух, слетающихся на мёд, готовых нырнуть за ним в рот обедающему человеку.

— Про заговор я тебе точно говорю,— жуя, шепнул на ухо Вите Влад.— Я дома хлеб вообще не ем.

— Еда — она вся от Бога нашего,— возразил с полным ртом Витя, попытавшись заодно пришлёпнуть рукой к столу особенно доставшую жирную муху.— Мы его благодарить за это должны.

Муха, выскользнув за мгновение до того, как должна была быть убитой, словно издеваясь, снова принялась кружить у носа Вити.

— Лучше бабу Нину благодарить,— запив съестное чудо тёплым коровьим молоком, заверил Сергей, равнодушно провожая взглядом муху.— Вот теперь хорошо.

В животах и в душах у хлопцев посветлело, словно кто-то невидимый стряхнул рукой с их заспанных глаз остатки сна, отправляя в новый день счастливого детства, где можно было никуда не торопиться. Впереди была ещё целая замечательная его половина, и братья собрались на лавочке, чтобы обсудить планы.

— Ну что, значит, через час, как договаривались? — спросил Влад.

— Давайте, только за час бы туда-сюда управиться,— с сомнением в голосе кивнул Витя.— А то хватятся. Идти порядком.

— Обернёмся быстро,— заверил братьев Сергей.

Братья, не сговариваясь, посмотрели на стоявшую на высоком холме старую церковь. Издали даже днём на солнце она вся казалась чёрной. Креста на куполе давно не было, а сорок лет назад возглавивший приход молодой отец Серафим отслужил в ней свою первую и последнюю службу.

* * *

1939 год

Когда после службы власти объявили, что церковь закроют, молодой священник Серафим взялся было возразить, для чего отправился в райком.

— Как же без храма-то? — спросил он у грузного, вытиравшего то и дело носовым платком струившийся со лба и шеи пот секретаря райкома. — Это ж, почитай, без Бога. Сами не веруете, так хоть над людьми сжальтесь. Они же сызмальства в храм ходили.

— Пусть в клуб теперь ходят, — замахал на себя платком толстый секретарь. — Вон какой клуб отгрохали, там танцы под гармонь. Вы, батюшка, бабкам своим так и скажите. Пусть наши песни лучше поют.

— Что ж, так и будет церковь без прихода стоять? — опустил глаза священник. — Беду на село накличем.

— Какую беду? — начал свирепеть и ещё больше потеть секретарь. — Идите, гражданин священнослужитель, уже, как у вас там говорят, с богом. А то впрямь до греха доведёте.

Серафим повернулся и, перекрестившись, вышел вон в яркий солнечный день. На крыльце он перекрестился ещё раз.

— Нехристи, прости им, Господи! Вот и кончилась твоя служба, отец Серафим, не поспев начаться, — сказал он самому себе вслух. — Куда ж теперь? Подскажи, Господи! Что ж я стою? Надо успеть, пока они...

Священник направился быстрым шагом к себе в приход, и за его спиной хлопнула оконная рама...

* * *

В полдень работавшая в огороде баба Нина заметила странного незнакомца. Он стоял в самом конце улицы, одетый во всё чёрное, и издали, словно призрак, почти растворялся в летнем мареве. Нина стала его разглядывать, и тот вдруг махнул ей рукой. Нине показалось, что дорога, изгородь и красные буряки в огороде поплыли волнами, голова её закружилась... Зажму-

ривишись на мгновение, она открыла глаза. Незнакомца не было, только едва заметное поднятое кем-то пылевое облачко никак не могло осесть и повисло в воздухе.

— От же ты, Господи прости, что это со мной? — осенила себя на всякий случай крестным знамением Нина и снова занялась делами.

Аркадий возвращался с берега с уловом по той же тропке. Было совсем жарко, под ногами подсохло, а спугнутые бадиком кузнечики отлетали в разные стороны. Идти в горку было тяжелее, и бадик Аркадия оставлял через равные промежутки глубокие следы в юраковском огороде.

— Здорово бываешь, диду! — крикнул Аркадий копошившемуся во дворе Юракову.

— Аркаша, ты, что ли? — высунул голову старый Юраков.— Ну что, рыба в Раставице ещё осталась, или ты всю повыловил?..

Олекса Юраков слыл известным на селе рассказчиком. Много лет назад он в очередной раз отправился торговать грушами в Белую Церковь но, к полному расстройству своей жены Одарки, вернулся вечером без денег, зато с толстой книжкой под названием «Поднятая целина».

— Вот, обменял,— гордо показал Одарке книжку муж.— Сказали, хорошая уж больно.

— Вот бисова душа! — намахнулась на мужа Одарка и, выхватив книгу, прицелилась зашвырнуть её с глаз долой.— Читатель! Гроши где?

— Не шуми, дура,— успел вырвать из необразованных рук жены книгу Олекса.— Вслух читать будем.

Углубившись в чтение, Олекса очень скоро понял, что главным и любимым его героем и даже — если бы Юраков знал это слово — кумиром будет дед Щукарь. Выменянная за груши книга неожиданно открыла и в самом Юракове удивительный талант рассказчика, о котором тот раньше не подозревал...

— Так с рыбой нынче, Аркаша, или как? — усмехнулся Олекса.

— Да наловил вот немного на обед,— показал своё ведро Аркадий.

— Вот, как сейчас помню, поймал я в нашей Раставице щуку,— поднял палец Юраков, что означало начало истории.

— Щуку? — уточнил Аркадий.

— Щуку,— уверенно кивнул Олекса.

— В Раставице?

— В Раставице,— не опуская пальца, подтвердил рыбак.

— Ну?

— Что «ну»? Щука как щука, но уж дюже большая,— развёл в стороны руки Юраков и, немного подумав, раздвинул их пошире.— Вот как твоя палочка будет, точно.

— Ого! — поглядел на бадик Аркадий.

— Метр с лишним, заметь, Аркаша,— начал увлекаться Юраков.

— Предположим,— согласился Аркадий.— Короче.

— Поймать-то поймал, а как нести? Вопрос.

— Отпустил?

— Кого? Щуку? Да ты что!

— И?

— В ведро такую не сунешь. Хорошо у меня банка с собой была трёхлитровая.

— С горилкой?

— Нет, горилка к тому времени уже закончилась,— чуть сбился с хода мыслей Олекса, но тут же собрался.— Так я воды в банку зачерпнул, голову щуки туда сунул, чтоб дышала, взял за хвост и потащил до хаты.

— А щука банку руками, значит, держала?

— Не выдумывай, Аркаша!

— Я выдумываю?!

— Ты! Я тебе говорю, что живую её дотащил. Голова плотно в банку села, но сопротивлялась она дюже, думал, что вырвется.

— На сковородку с банкой клал?

— Нет, пришлось голову отрубить.

— Слава богу, отмучилась рыба,— захохотал Аркадий.

Из хаты во двор вышла девушка лет четырнадцати с огромной чёрной косой, кокетливо брошенной через плечо вперёд. Под коротким цветастым платьем скрывалась уже хорошо различимая, не по возрасту девичья грудь.

— Здравствуйте, дядя Аркадий,— крикнула девушка и, легко подхватив стоявшее тут же коромысло и пару пустых вёдер, направилась на упругих загорелых ногах через улицу к кринице деда Ивана.

— Гляжу, внучка твоя из Киева вчера приехала? — Аркадий проводил девушку взглядом.— То-то наши хлопцы обрадуются.

— Мальцы они ещё до девок бегать,— не отрываясь от дела, возразил Юраков.— Им мёдом пока на палянице намазано. Да и Татьянке моей женихи ещё без надобности.

Пока Олекса с Аркадием вели ни к чему не обязывающие мужские разговоры, Татьяна обернулась с водой и, занеся вёдра в хату, снова направилась к кринице.

— Это вы бабу сегодня купать собираетесь, что ли? — подмигнул Аркадий чуть поднапрягшемуся Юракову.— Ладно, пойду я.

Купать свою Одарку старый Олекса, конечно, не собирался, а вот поставить несколько литров доброй юраковской горилки было самое время. В Таборове знали, что приехавший в отпуск Аркадий работал где-то в милиции, а поэтому Юраков на всякий случай предпочёл не уточнять, для какой такой надобности таскает воду внучка Татьянка. И хотя Аркадий понимал, что в его родном селе горилку гонят в каждой уважающей себя семье, предпочитал не вмешиваться в традиции предков. Да и опять же без горилки Олекса Юраков — не рассказчик.

Только что вышедшие со двора хлопцы аккурат попались навстречу Аркадию.

— Вы куда это? — словно заподозрив неладное, спросил он сына.

— Да гулять мы, как всегда,— увернулся от прямого вопроса Влад.

— Чтобы недалеко. И глядите — в воду не вздумайте лезть,— нахмурился Аркадий.

— Ну вот, по-тихому уйти не вышло, — раздосадованно сказал Сергей, когда братья уже быстро шли по деревенской улице. — Теперь батька твой бегать будет, искать. Суматошный он у тебя.

— Ладно, мы скоро обернёмся, — успокоил его Влад.

Жара наступала. На дороге ещё никак не могла угомониться пыль от единственной проехавшей с утра машины, ветви яблонь, груш и шелковиц свисали на дорогу по обеим её сторонам. Жизнь в Таборове текла по своим неспешным законам. Чуть поодаль, в глубине двора, старый дед Тихон молотил цепью пшеницу, как обычно, не доверяя колхозному комбайну, который в эти дни пускали по селу для обмолота. Тихон приехал в Таборов лет двадцать назад откуда-то с Запорожья и остался жить бобылём. Завидев хлопцев, он махнул им рукой.

— Здорово, диду! — хором загалдели братья.

— Здорово. Куда собрались? — взгляд Тихона стал лукавым, и по его лицу от улыбки побежали маленькие глубокие трещинки.

— Да мы это, прогуляться, — замялся Витя. — Диду, водички попить можно?

— Попейте, отчего же не попить? — отложил цепь Тихон. — В хате вон свеженькая стоит.

В хате Тихона было светло и тихо, даже мух отчего-то здесь не было видно. Хлопцы зашли в сени, и Сергей первым зачерпнул из ведра кружку ледяной воды. С первым глотком блаженство начало разливаться по всему телу, будто вода сразу проникала в кровь, насыщая её неведомой волшебной силой. Оторваться от кружки было невозможно, пока, спустя несколько таких глотков, горло Сергея не сжало ледяным обручем.

Напившись, братья вошли в комнату. На стене висела совсем небольшая, очень старая икона, на которой была изображена совершенно ужасающая сцена: на блюде лежала отрубленная окровавленная человеческая голова. Все трое едва смогли оторвать от иконы взгляд, когда в хате появился Тихон.

— Чего смотрите? — заметив, куда уставили глаза мальчишки, перекрестился хозяин.

— Диду, а кто это? — кивнул на икону Влад.

— Святой Иоанн Предтеча, кто ж ещё? — усмехнулся Тихон.

— А кто его так? — опять спросил Влад.

— Ирод,— внимательно глядя на икону, ответил хозяин.— Ирод его убил. Дочка его попросила, он и убил. Давно это было...

— А вы кресты свои надели? — когда вышли на улицу, на всякий случай поинтересовался Витя.— Без креста в храм нельзя.

— У меня и креста-то не было никогда,— пожал плечами Влад.— Я же комсомолец. Нельзя же сразу и крест, и комсомольский значок чтобы были.

— Почему нельзя? — удивился Сергей.— У нас так многие в школу ходят. Но я тоже не ношу, лежит он где-то — матушка хранит.

— А как тебя крестили, ты помнишь? — спросил Влад.

— Не-а, я малой совсем был,— пожал плечами старший брат.— Орал, наверное, как все.

— А я вот не орал, мама рассказывала,— уточнил Витя.— Батюшка-то меня с головой в купель окунал аж три раза.

— Зачем с головой? А если бы утонул? — возмутился Влад.

— Нет, Господь бы не дал,— покачал головой Витя.

Хлопцы направились дальше, минули улицу и свернули к пригорку. Церкви отсюда ещё не было видно, а едва приметная тропинка вела круто вверх. Братья уверенно двинулись по ней, и вскоре в ярком голубом небе появилась маковка купола. Она росла с каждым шагом и, наконец, взглядам открылся весь храм. Церковь, состарившись, чуть покосилась на восток, словно пытаясь согнуться в поклоне встающему солнцу. Высокая трава на исходе лета, казалось, добралась до середины почерневших деревянных стен, а в щелях между рассохшимися досками зеленел мох. Без обязательного креста на куполе, венчающего величие церкви, она выглядела обычным большим домом, невесть откуда здесь взявшимся. К храму давно не ходили. Любопытство таборовских мальчишек останавливал страх, поселившийся в их головах после жутких рассказов бабушек, наперебой вещавших о живущей здесь нечистой силе. Да и сами хлопцы в этой скучной деревенской жизни с ходу придумывали всё новые подроб-

ности с чертями и призраками — те самые, что спустя лет двадцать станут новыми легендами села Таборов.

— И не страшно вовсе,— пожал плечами Влад.— Церковь как церковь. У нас в России таких полно.

— Главное, чтобы на голову не свалилась, если пойдём,— предупредил Сергей.

— Идём, что ли? — неуверенно переспросил Витя.— Или вернёмся может?

— Не, пойдём, раз пришли,— Влад первым двинулся к церкви.

Они быстро добрались до стены и начали разглядывать замшелые узоры, оставленные временем на обугленных досках. Среди них вдруг неожиданно возник совсем маленький, вырезанный на уровне глаз крест и какие-то цифры.

— Чего там написано? — вгляделся в почти стёртые буквы Сергей.— 19..3... Дальше не пойму, какая цифра?

— Вроде 9,— Влад тоже внимательно глядел на знаки.— 1939. Это год наверное.

Братья начали обходить храм, пытаясь заглянуть внутрь через щели. Дверь была забита наглухо досками, но не крест-накрест, а как попало.

— Ну, убедились, что нет тут никого? — усмехнулся Сергей.— Если да, то пошли обратно.

Все трое развернулись в обратный путь, как где-то внутри явно послышался тихий, но отчётливый звук, похожий не то на стон, не то на смех одновременно. Звук шёл из-за забитой входной двери.

— Слышали? — поднял руку для крестного знамения Витя.— Там кто-то есть.

— Ерунда, ветер это,— как можно громче ответил Сергей.— Просто ветер.

В эту самую секунду звук стал громче и протяжнее. Братья отступили, прижавшись друг к другу спинами, и, не сговариваясь, припустили бегом что было сил прочь от церкви.

— Стойте уже! — крикнул младшим Сергей, когда все трое, пробежав метров двести, с испугу свернули не в ту сторону.

— Чего так рванули-то? — переведя дух, спросил он братьев.

— Это не я первым побежал,— ещё бледный, как свежая простыня, выдохнул Влад.— Вы побежали, и я побежал.

— Я тоже не думал тикать,— захорохорился младший Витя.— Чего тикать-то?

— Ну вы даёте! — окончательно привёл дыхание в порядок старший.— Кто что услышал там?

— Показалось, что стонал кто-то,— пожал плечами Влад.

— Или смеялся. Может, это чёрт был? — боязливо обернулся в сторону храма Витя.

— А ты слышал, Сергей? — поинтересовался Влад.— Ты же тоже слышал, я знаю.

— Да слышал, слышал. Пошли домой быстро,— отрезал Сергей.

Дома всё было готово к обеду. Картошка дымилась в чёрном чугунке, рядом с которым на видавшей виды клеёнчатой скатерти лежали лук, маленькие огурчики и несколько зеленоватых помидоров, так и не успевших дозреть в хозяйском огороде, перед тем как отправиться в чей-то рот. Утреннее парное молоко, поставляемое прямо к столу коровой Маруськой, белело в трёхлитровой банке, всегда становясь к этому часу ещё вкуснее и слаще. Сама Маруська с самого утра вновь отправилась в таборовские луга с их сочной травой и обещала к ужину ещё несколько литров самого лучшего в мире напитка.

Братья подошли к дому, уже придя в себя, и по дороге договорились: никому ни слова о том, что случилось у старой церкви — обсудим вечером на сеновале. Во дворе они застали деда Ивана, складывающего в рот кусочки добытой в это утро Аркадием рыбы. Дед был двухметрового роста, с большими руками, хранившими некогда могучую силу. В Таборове Большого Ивана всегда звали подсобить поднять телегу или занести балку, когда соседи перекрывали крышу. Но Иван постарел, и теперь всё больше присаживался на корточки у изгороди. Жаркое солнце уже не грело старые Ивановы кости, а поэтому всё лето напролёт

тот ходил в таком же старом, как и он сам, пиджаке. Сейчас дед Иван, отправив последний кусок в рот, запил его молоком всё из той же банки и громко крякнул:

— Вот и добре!

— Рыбу-то молоком запивать нельзя,— глядя на это, заметил братьям Влад.— Прихватит у деда живот, и до туалета не добежит.

— Не-е, у деда живот особенный, не как у нас,— несогласно покачал головой Сергей.— Его понос не берёт, а если что, то он горилкой всё вылечит.

— Горилка — не лекарство,— возразил было Витя.— Но тоже помогает.

— А ты пробовал, что ли?— удивился Влад.

— Ты что, дурной?— покосился на брата младший.— Это у нас и так все знают. А у вас в России так не лечатся?

Дед Иван тем временем присел у забора, облокотившись спиной на хрустнувшие под его тяжестью жердины, и скрестил почерневшие от загара кисти рук. Рукава пиджака, приподнявшись, обнаружили выше кистей белые, как Маруськино молоко, предплечья, до которых солнце в это лето так и не добралось.

— Тату, так вы ещё и в перчатках летом ходите?— подмигнул остальным сын Василь, разглядывая эту удивительную картину, созданную природой.

— Может, и в перчатках,— не обращая никакого внимания на колкости сына, прикрыл глаза Иван.— Ты тоже перчатки ищи — как пообедаем, сарай мазать все будете, и хлопцы помогут.

Все, кроме уже по традиции отобедавшего раньше всех деда Ивана, уселись за стол. Горячая картошка, приправленная жареным луком, небольшими круглыми шариками исчезала быстро, а банка молока пустела на глазах. Сергей, Влад и Витя загадочно переглядывались и тут же прятали взгляд — дотошные родители заметят и начнут выпытывать их секрет.

— Вот как спокойно кушают теперь,— глядя на жующих хлопцев, умилилась Лена.— Кушать есть чего, не голодные. А мы в войну в детстве, помню, мама только сделает, как накинемся. А Аркадий ложки подбивал всё время, чтобы больше досталось.

— То не я, — жуя, возразил Аркадий. — То Виталь подбивал — ты уже не помнишь.

— Всё я помню, не бреши, Аркаша! — повысила голос сестра. — Ешьте уже, хлопцы, и гулять идите.

А что ещё делать — конечно гулять! Пробежать мимо подсолнухов по острой жёсткой стерне в самый конец огорода, где растёт старая большая груша, посаженная вернувшимся с войны в 1945-м дедом Иваном. Она его переросла, закрыв собой частичку жаркого августовского неба, и здесь, под грушей, можно было, расположившись подальше от чутких родительских ушей, обсудить главные мальчишеские дела.

В час пополудни, когда в летнем Таборове уже наступала традиционная сиеста и подремать собирались люди, животные и даже местные мухи, тишину разорвал мужской крик. Кричали через два дома, но так, что казалось, кричащий стоял под каждым окном.

— Геть из моей хаты, курва! Геть! Зарублю тебя, стерва, пошла вон!

Следом раздался женский визг, что-то упало, покатилось. Закудахтали разбуженные куры, и даже с перепугу решивший, что в такой хороший день пришли зарубить именно его, страшным голосом закукарекал петух. Село проснулось, но паники не наблюдалось.

— Опять Гришка разводится, — равнодушно открыв один глаз, отметил дед Иван и снова попытался задремать...

* * *

Если человек разводится, то это означает, что до этого самого момента он непременно когда-то женился. Украинская свадьба, где за столом собираются по триста-четыреста человек, событие весьма большое, чтобы остаться для села незамеченным. А до застолья молодым, торжественно проходящим по селу, то и дело перестревают дорогу, требуя выкуп, заставляя выпить. Так что все в курсе дела, кто и за кого собрался замуж. Горилки на

свадьбе выпить нужно много и от души, иначе счастья молодым не видать. Жених и невеста к концу дня очень устают от такого веселья, но что делать — всё только начинается.

Хорошо подвыпившие хлопцы лезут до девчат, и хотя красавиц всегда много, обязательно дерутся за сараем, не поделив одну, самую черноглазую, с пышной девичьей грудью и длинной тяжёлой косой за спиной. Молодых отпускают на блаженное таинство ближе к ночи, а сами всё поют и поют красивыми голосами негромкие душевные песни.

Жениться и разводиться Григорию было не привыкать. Женившись в первый раз, как он сам утверждал, по очень большой глупости, восемнадцати лет отроду, свою первую супругу Олесю Гриша с шумом выгнал аккурат по окончании медового месяца. Разоткровенничавшись в тот же вечер за чаркой, вновь свободный Григорий начал было говорить о разногласиях с бывшей женой в постели, на что ничего не понявший Гришин батька пытался образумить сына старинным отцовским методом. Но тщетно.

Снова женившись на радость батькам, непутёвый отрок спустя год так натянул семейные узы, что они опять не выдержали.

— Надоела мне эта Ганя,— без лишних душевных метаний пояснил родителям и односельчанам Григорий.— На кой чёрт мне баба, если я горилки выпить в обед не могу?! Спрашиваю: «Где?». А она мне: «Что тебе дороже — я или горилка?». Да мне всё в хате дорого!

Батьки махнули на Гришку рукой, и тот пошёл вразнос, женясь отныне когда по любви, а когда и по необходимости. Что характерно, все шесть раз в жёны Гриша брал исключительно таборовских девок и баб, так что после каждого развода жить с бывшей роднёй Григорию становилось всё теснее...

* * *

Шестая жена, бывшая вдова Василиса, которую опытный Григорий выбирал не то чтобы из чувства, а скорее по деловым бабьим качествам, мыла, готовила и убирала в хате исправно

и продержалась целых пять лет, но в этот полдень всё же перестала устраивать Гришу.

— Я тебя поменяю, курва,— стоя с дрыном, вещал пьяный муж.— И скажи спасибо, что я ещё за ружьё не вспоминаю.

Василиса, уразумев, что её час пробил, рыдала громко и протяжно, чтобы соседи, если и не помогли, то хотя бы посочувствовали бабьему горю. Григорий тем временем крушил во дворе попадавшиеся под руку серпы, косы и горшки и, поскольку Василиса уходила как-то медленно, пытался выдернуть из забора новый дрын. Село по старой доброй традиции не вмешивалось в происходящее, лишь несколько женщин опасливо прилипли к окнам, прячась за вышитыми занавесками — вдруг заметит Гриша, а он пьяный — ой дурной! Словно в подтверждение этих таборовских сплетен находившийся в поисках свободы Григорий бросил взгляд на соседские окна и, заметив движение, вспомнил-таки про ружьё.

— Застрелю стерв,— направился он в хату.

Таборов, наконец, избавился от дневной скуки, и со дворов к Гришиному дому потянулись люди. Тот уже вышел из хаты с переломленной пополам двустволкой и пытался сунуть в ствол патрон.

— Ну её, Гриша,— подбирался к забуянившему односельчанину Василь.— Пусть идёт себе. Ты положи ружьё-то.

— Не лезь, Василь! — Григорий затолкал, наконец, патрон на своё место и вскинул ружьё, взведя курки.— Ты где, Василиса? Я ж со ста метров попадаю!

Гриша обвёл замерших в ужасе людей мутным взглядом и вдруг, направив двустволку вверх, нажал на спусковой крючок. Грохнувший выстрел срубил верхнюю ветку росшей рядом груши, и та тяжело упала за спиной стрелка, повалив изгородь. Жутко завизжали женские голоса, куры бросились врассыпную, а петух, коротко кукарекнув, от страха навсегда потерял голос. Григорий бросил на землю ружьё и сел на корточки, обхватив голову руками.

— Это всё гульня, Гриша,— поднимая ружьё, с укором сказал Василь и обернулся к зевакам.— Что стоите? Идите по хатам, больше концерта не будет...

К вечеру всё стихло. Василиса, рыдая, ушла в дом матери, обсуждать больше было нечего, и таборовчане занялись домашними хлопотами. Василь, Аркадий и Сашко оштукатуривали растрескавшиеся стены сарая. От младших толку было мало: натаскавшись раствора, они выдохлись через полчаса и сидели бледные как извёстка. Белить сарай договорились назавтра. В Таборове, как и во всей Украине, всё испокон веков обязательно белое — хаты, сараи, лёхи. Другого цвета здесь изумрудно-жёлтые поля, синяя с бирюзой Раставица, огненно-рыжие подсолнухи, чёрно-красная спеющая шелковица. А хаты белые — словно выбелены в цвет прежних храмов, которые стояли в округе давным-давно. Такой белизны у природы нет, даже плывущие над селом облака, и те клубятся то синим, то серым. И только в самую чёрную беспросветную украинскую ночь над этими хатами вдруг встаёт такая же белая большая луна, и они вспыхивают странным неземным светом, завораживая взгляд. В такую луну хлопцы с сеновала ни ногой...

Странные вещи в Таборове продолжались. Было ли это результатом гулявших по селу страхов перед проклятьем старого храма, или впрямь сам дьявол наслал на село какую-то чертовщину, но этим вечером бабы снова обсуждали Одаркину новость про приключившуюся с ней странность...

* * *

Прошлой ночью, когда Олекса уже подробно рассматривал свои сновидения, Одарка вышла во двор до ветру. Отступив от крыльца несколько шагов, она уже задрала было юбку, как вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Подняв глаза, Одарка обомлела: на ночной улице прямо напротив калитки стоял человек. Он был очень высокого роста, на голову его зачем-то был надет капюшон.

— Ой господи! — так и не опустив с перепугу юбку, закричала Одарка.

Человек поднял руку, и на фоне посветлевшего от луны неба Одарка ясно увидела на этой руке вместо привычных пяти шесть пальцев! Онемев от страха, она лишь открыла в беззвучном крике рот и всем своим бабьим телом шлёпнулась на толстый зад. Человек вдруг махнул рукой и, повернувшись, направился вдоль села. Одарка успела заметить, что за ним поднялась и заклубилась пыль. Оправившись от ужаса, она поднялась, женское любопытство пересилило страх, и Одарка, приблизившись к калитке, осторожно высунула голову на улицу. Человека не было...

* * *

— То тебе привиделось, соседка,— успокаивала Одарку Нина.— Откуда ему взяться?

— Да я тебе Христом Богом клянусь, что был он! — жарко шептала Одарка.— Стоит такой чёрный весь, и пальцев, пальцев-то шесть! Я ж думала, преставлюсь со страху.

— Крестилась? — заговорщически спросила Нина.

— А то как же,— кивнула соседка.— И «Отче наш» прочла, три раза аж.

— Ну если то сам сатана приходил, то тебе бояться нечего,— махнула рукой Нина.— Ты ж не грешница какая, а Боженька сбережёт. А может, за мной он пришёл?

— Ой, Нина, ты что говоришь такое? — прикрыв рот рукой, на всякий случай оглянулась Одарка.

— Давным-давно это было, мы с Иваном лет десять уж жили,— подмигнула соседке Нина.— Пошла я, значит, рано-рано через огороды к речке. Глядь, а он навстречу идёт, сам не свой...

— Вы чего тут, клухи, раскудахтались к ночи? — появился во дворе Олекса.— Идите до ветру и по хатам — спать.

— Без тебя, чёрта, знаем, чего робить,— огрызнулась Одарка.— Иди себе куда шёл.

— Ладно, соседка, завтра договорим,— стала наскоро прощаться Нина.— Пойду я...

За ужином и мужики завели свой длинный разговор, который, как обычно, начат был не важно по какому поводу, потянулся в рано стемневший августовский закат и не собирался оканчиваться за полночь.

— Чтобы хорошо жить, учиться необязательно,— невозмутимо баритонил Василь.— Я без высшего образования знаю больше, чем многие учёные.

— Ты не знаешь, Василь, ты догадываешься,— понимая, что сейчас камни посыплются в его огород, заметил Сашко.

— Я на свете могу без вас, учителей, жить прекрасно,— начал задирать Василь Сашка.— А на что вы мне нужны? Чему вы можете меня научить? Я что, машину водить без вас не смогу? Или хату построить? Или сына родить? Тату наш вообще не учился.

— Василь, послушай,— младший Сашко попытался образумить брата.— Ты не то говоришь. Ты и говоришь только потому, что мы, учителя, тебя этому научили.

— Кто?! Вы?! Меня маты наша всему учила,— повысил свой баритон Василь.— Она рассказывала, что я только у неё учился.

— Вот, Аркадий, гляди,— обратился Сашко с надеждой к другому брату.— Мы их буквы учим говорить, а они нам этими буквами и пеняют! А наша маты — это другое. Наша маты — это наше всё.

— Лучше молчи, батюшка Саша! Слушай, а если тебя в рясу снова одеть? — неожиданно заключил говоривший.— В селе скажем, что тебя настоятелем из Киева прислали. Пока они там разберутся, ты гроши заработаешь. Будешь попом, Сашко, временно?

— Замолчите оба уже! — прикрикнул старший Аркадий.— А то договоритесь.

— Нет, пусть объяснит, зачем они нам нужны,— не унимался Василь, которому хмель как следует стукнул в голову.

Очередной душевный разговор близился к концу, а о чём в эту ночь поспорили братья, наутро никто и не вспомнит, как ни старайся. Да и надо ли?

— Ты меня жизни не учи, священноучитель ты наш,— язык переставал слушаться Василя.— Ты мне не веришь?.. Давай у маты спросим... Маты, вы где?!

— Да спит она,— намахнулся на брата Аркадий.— И ты иди ложись...

Обрывки фраз доносились до сеновала, где хлопцы уже расположились на очередной ночлег. Сверчки не унимались, обещая новый жаркий день, вместе с ними бубнили вполголоса и братья, опасаясь, что стихающая ночь не спрячет их тайну, а чуткие на слух батьки заподозрят неладное, да и выпорют, чтобы неповадно было.

— Что ж это было всё-таки? — вслух размышлял Влад.— На ветер не похоже. Я точно стон слышал. Это человек там был внутри.

— Я тоже слышал,— подтвердил Витя.— Только это не человек вовсе, а нечистый. Если бы ещё хоть на минуту остались, он бы нас внутрь утащил.

— Хватит вам! — оборвал разговор Сергей.— Нечего было ходить, я вам сразу говорил.

— Надо выяснить,— уверенно вдруг сказал Влад.— Нет там никакой нечистой силы. Надо внутрь войти, и сами убедитесь.

— Ты что — с ума сошёл? — испуганно посмотрел на брата Витя.— Я не пойду, не-ет.

— Боишься? — попытался раззадорить его Влад.

— При чём тут боишься, братка? — остановил обоих Сергей.— Это ты тут такой смелый, а бежал-то вместе со всеми, даже меня обогнал. Никуда не пойдём, я сказал!

Ночь становилась глубже, очертания крыш и деревьев исчезли во тьме, а набежавшие тучи всё не выпускали луну. Сон не шёл, и братья принялись болтать о чём-то другом, скоро уже позабыв про дневное приключение. То ли ещё будет этим летом! Завтра надо будет залезть на старую грушу, чтобы достать самых вкусных груш с её верхних веток. Те, что упали и лежат внизу, кушать неинтересно. Витя, кстати,— большой мастер лазать по деревьям,

и выше него никто не поднимется. Недавно, добравшись до самой вершины дерева, он, спустившись, рассказал, что оттуда видно всё: и мост через Раставицу, и дом деда Тихона, и старую церковь.

И вообще, столько надо успеть, пока вместе с этим летом они ещё не стали на год старше...

* * *

1939 год

Уже стемнело, когда по дороге к церкви подъехали двое верховых в форме. Спешившись, они вошли внутрь и спустя полчаса вновь появились у входа.

— Ничего нет,— чиркнул спичкой, прикуривая, и протянул горящую спичку товарищу один из них.— Всё перерыли. Где оно может быть?

— Чёрт его знает,— пожал плечами второй и нагнулся, чтобы прикурить.— Может, поп успел умыкнуть куда-то?

— За ним поехали?

— Да, хату обыщут и к ночи в отдел привезут,— кивнул первый и, приготовившись выбросить спичку, на секунду поднял глаза к куполу.— Сжечь бы её сейчас, и дело с концом.

— Погодь без команды,— не согласился другой.— Успеется. Поехали в отдел, допытаемся. Там из него распятье Христа сейчас делать будут...

Отца Серафима привезли в райцентр Сквира, в отдел НКВД, уже за полночь. Он сидел на стуле со связанными за спиной руками посреди серой комнаты. Напротив, присев на край стола, вертел в руках револьвер комиссар НКВД, приехавший аж из самого Киева.

— Как доехали, святой отец?— вежливо спросил он священника.

— Слава Богу,— невозмутимо кивнул Серафим.

— Ну что ж, жалоб у вас, гражданин священнослужитель, я так понимаю, не имеется?— положив наган на стол, направился к арестованному комиссар.— Может, пожелания?

— Руки бы развязать,— смиренно попросил священник.— Если можно.

— Отчего ж нельзя? — махнул стоявшему у порога караульному комиссар.— Сию минуту, батюшка.

Верёвка упала на пол, и Серафим, выпрямившись, с трудом поднял правую затёкшую руку и перекрестился, быстро зашептав какую-то молитву.

— Ну помолились, и будет,— ласково наклонился к нему энкавэдэшник.— Теперь ваш черёд сделать доброе дело. Если не ошибаюсь, ваш бог так и учит — делать добро.

— Господь помогает не совершать зла,— так же негромко ответил священник.

— Не очень-то ваш бог помог вам, гражданин. Вы не находите? — рассмеялся комиссар.

— Господь милостив и ко мне, и к вам,— всё так же невозмутимо вещал Серафим.— Он всех простит...

— Хватит, хватит изображать полоумного! — кончилось терпение следователя.— От тебя мне нужно только одно, и ты знаешь что. Где всё?

— Я не знаю,— бесстрашно глядел в глаза комиссару священник.

— Всё ты знаешь, батюшка, просто подзабыл, так ведь? — направился обратно к столу энкавэдэшник и взял наган.— Придётся тебе напомнить, а твой бог должен видеть, что не хотел я греха этого на душу брать, но ты сам, сам...

* * *

Наутро во двор к Ивану наведался участковый Руслан — совсем молоденький, приехавший работать в эти края недавно.

— А скажите, диду, никого подозрительного в селе не встречали в последние дни? — поинтересовался он у хозяина.

— С чего бы подозрительным тут шастать? — беззлобно усмехнулся Иван.— Тут после того, как немцы ушли, никого чужих не бывало. А я думал, ты по Гришину душу.

— А у старого храма ничего не замечали такого?

— Какого такого? — уточнил Иван.

— Ну необычного, скажем.

— Нет, не замечал, гражданин начальник,— покачал головой дед.— По той самой причине, что по церквам отродясь не хожу. Ещё до советской власти это дело забросил.

— Ну и добре,— надел фуражку участковый, попутно пытаясь представить себе Таборов при царском режиме.— Какой я вам, диду, начальник? Просто Руслан. Я к тому, если приметите кого или чего, сообщите. Ну, пойду я.

Участковый ушёл, а Иван задумался. В голову полезли разные мысли. «С чего бы он ко мне сразу зашёл?— прикидывал Иван.— К Юракову не пошёл, а ко мне первому. Хлопцы чего-то натворили, что ль?»

— Чего ему надо, тату?— вышел из хаты Василь.

— Да вроде как узнать, есть ли у нас верующие,— пожал тот плечами.— Я ему про нашего Сашка хотел сперва сказать, но не стал.

Лена с Лидой тем временем обсуждали таборовскую кацапку Марию, соседку Юраковых. Каким таким образом вдовую Марию занесло из России в Украину, и не куда-нибудь, а именно в Таборов, никто так и не выведал, и даже теперь, двадцать лет спустя, соседи держали с ней ухо востро. На вопрос «почему» каждый, пожав плечами, отвечал: «Так кацапка же».

— С утра банку за банкой крутит,— недовольно ворчала Лена.— На две жизни помидор и варенья напасла. Куда ей столько?

— Это всё от жадности,— поддержала сестру Лида.— Она ж во всём селе деревья обтрясла.

Надо сказать, что в Таборове яблоки, груши, сливы, абрикосы, шелковица и прочие блага были в несметном количестве, но использовать всё это богатство никому не приходило в голову. Кроме кацапки Марии, которая не гнушалась соседскими яблоками, отправляя их наравне со своими в компоты и варенья.

— Одарка вчера ветку сливы нам притащила,— поделилась новостью Лена.— Говорит, залезть, чтоб собрать, сил уже нема, а ветка та как раз в кацапкин двор свисает. Говорит мне: чтоб ей не досталось, я ветку-то спилила и вам лучше отдам.

— А мы что с этой сливой делать будем? — спросила Лида.— У нас же своей девать некуда.

— Ну выкинем, значит. А кацапке делать нечего...

А у Василя с утра не заладилось с машиной. Огромный «КамАЗ»-лесовоз, на котором он доезжал до Таборова из Киева, загораживал, как обычно, половину деревенской улицы, подпирая юраковский огород. «КамАЗ» кормил всю семью Василя, и к машине он относился так же нежно, как к жене Катерине. Лесовоз для села — техника важная. Без него, к примеру, балку-матку для новой хаты не привезёшь, а поэтому к Василю, помимо таборовских, записывались из соседних сёл заранее.

— Будешь в очереди шестым,— отмечал Василь просящего в своей маленькой записной книжечке, терявшейся в его огромных руках.— Через неделю привезу, жди, как стемнеет.

Василь заказчиков старался не подводить, и очередной полночью новая балка опускалась в чей-то двор, а честно заработанные карбованцы — в карман Василю.

Сейчас же кабина грузовика то поднималась, то опускалась, и водитель уже битый час пытался завести кормильца.

— Вася, брось, айда выпьем,— дразнил его Аркадий.— Не заведёшь сегодня — образования не хватает.

— Отцепись,— не глядя на брата, копался в движке водитель.— Мне до обеда в Киеве надо быть. И что это за слово такое «айда»? Нет такого слова — ни российского, ни украинского.

— Как это нет? — возмутился Аркадий.

— Это тюркское слово,— вставил свои пять копеек подтянувшийся откуда-то Сашко.— Айда — это значит «пойдём».

— Аркадий, так ты в России или в Казахстане уже живёшь? — на секунду отвлёкся Василь.

— Там всё давно перепуталось, и не поймёшь, с кем с утра поздоровался,— задумчиво протянул Аркадий.

— Русские на казашках женятся? — оживился Сашко.

— А как же, — кивнул старший.

— И что, казашки красивые? — не унимался младший.

— Есть. И дети у русских с ними красивые получаются.

— О, так я к тебе поеду, — сразу решил Сашко. — Наши надоели, а восточной женщины у меня ещё ни разу не было.

— Приезжай, — равнодушно согласился Аркадий. — Возьмёшь себе сразу две или три. Там не как у Гришки, выгонять каждый раз не надо, будете жить всем табором.

— Не бреши ему, Аркаша, — перебил его Василь, усевшись в кабину. — Чем он их кормить будет, батюшка-самозванец? Байками своими? Это я двух-трёх свободно обеспечу.

На этих словах «КамАЗ», собрав силы, наконец затарахтел, насыщая юраковские подсолнухи выхлопными газами.

— Учитесь, пока я жив, — Василь удовлетворённо поднял большой палец вверх и газанул ещё раз так, что сам Юраков высунулся из хаты посмотреть, не обвалился ли сарай.

— Вася, ты из моей хаты уедешь или нет? — поинтересовался Олекса. — А то пока к казашкам не добрался, может, Одарку мою старшей женой возьмёшь?

— А что твоя Одарка умеет? — деловито, не отрываясь от машины, уточнил Василь.

— Того, Вася, о чём ты сейчас подумал, уже не умеет, — с сожалением в голосе констатировал Юраков. — Но горилка у тебя за обедом будет. А что тебе ещё надо от бабы?

— Так, всё, я поехал, — пропустил мимо ушей предложение Олексы водитель. — Юракову не наливайте сегодня, я проверю.

«КамАЗ» вырулил на таборовскую улицу, страшно тряся прицепом. Распугивая гусей, Вася поплыл по селу, прикрываемый поднятой грузовиком пылью, мимо равнодушно выставивших ему за работой в огородах свои зады женщин. На мгновение посмотрев в их сторону, Василь исчез за поворотом с видом человека, провожать которого вышло всё село…

— Что, к церкви ещё хотите? — проснувшись, первым спросил Витя.

— Конечно,— уверенно сказал Влад, на всякий случай взглянув на старшего — Сергея.

С минуту все молчали, пока мальчишеское любопытство не пересилило уже почти исчезнувший страх.

— Ладно, хотите убедиться — пойдём,— равнодушно кивнул Сергей.

Спустя пару минут они уже шли быстрым шагом в сторону храма. Деда Тихона на своём привычном месте в огороде видно не было. Хлопцы направились дальше без традиционной кружки криничной воды по знакомому пути и вскоре были у церкви.

— Ну и где ж тут вход? — в голосе Сергея слышались нотки издевательства над братьями.— Если только от окна доску оторвать.

— Может, попробуем, а? — неожиданно предложил Витя.— Страшно, конечно, но если что — успеем выскочить.

— А вдруг не успеем? — незаметно подмигнул Сергею Влад.— Схватит какой-нибудь чёрт за ноги — и поминай, как нас звали.

— Чёрт, может, и не схватит, а вот полы там сгнили давно,— резонно заметил старший брат.— Провалимся в дыру — костей не соберём.

Все трое застыли в нерешительности, и Витя, первым сделав шаг к заколоченному окну, потянул за край доски. Из оконной рамы со скрипом, но на удивление легко вылезла пара ржавых гвоздей, доска поддалась и стала отрываться, обнажая затхлую внутреннюю темноту церкви. Все трое подошли к окну вплотную. Темнота внутри была совсем не похожа на ту, которую каждый раз опускала на Таборов летняя ночь. Она была вязкой, сырой и липкой. Хлопцам вдруг показалось, что темнота эта начала выползать из открывшегося окна наружу, стелясь у их ног.

— Фу, вонь какая,— сморщился Влад, прикрывая нос рукой.— И ничего не видно. Меня вырвет сейчас.

Витя оторвал доску, взялся за раму и слегка дёрнул. Рама открылась так, будто то же самое кто-то проделывал с ней каждый день.

— Полезли? — с боязливым вопросом в голосе спросил младший.

— Ну давайте уже,— подтолкнул было Сергей Витю в спину, но тут же спохватился.— Стой, я первым пойду...

Сергей спрыгнул с дрожавшего подоконника на пол и на ощупь сделал шаг. Полы скрипнули, но поверхность под ногой ощущалась твёрдой.

— Залезайте,— негромко позвал он младших, и сначала Влад, а потом и Витя спустя минуту были внутри.

Глаза потихоньку привыкали к темноте, и вскоре взору троицы отчётливо предстал алтарь, точнее то, что от него осталось. На него откуда-то сверху, через одну из пробитых временем дыр, падал тусклый свет. Икон на стенах давно не было, всё было затянуто плотной вязью паутины, будто кто-то попытался, уходя отсюда, накинуть на алтарь оренбургский пуховый платок, чтобы хоть как-то сберечь тепло. Доски повсюду рассохлись, разошлись, а сквозь дырявый купол в противоположный пустующий придел храма падало несколько солнечных лучей, создавая безумную игру света и тени.

Братья молча оглядывали стены и купол церкви, боясь спугнуть звуком кого-то или что-то, живущее здесь.

— Погляньте,— вдруг едва слышно прошептал Витя.

На полусгнившем престоле, покрытом чёрной плесенью, сияло странное светлое пятно, словно кто-то пытался оттереть священное место, чтобы положить туда Писание.

— Откуда это тут?— удивился Влад.— Может, солнце?

Братья двинулись к алтарю. Это было не солнце — пятно оказалось неровной формы, с размытыми краями. Сергей осторожно протянул к нему руку, и ему вдруг показалось, что от пятна исходило едва ощутимое тепло. Он поднял глаза, отшатнулся и, споткнувшись, упал на пол. Прямо на братьев из глубины царских ворот глядел Спаситель.

— Это же икона,— первым пришёл в себя Влад.— Ты гляди, сохранилась. Не всё, значит, выбросили.

— Да, это Спаситель наш,— перекрестился Витя.— Он на нас смотрит.

— Всегда кажется, что он на тебя смотрит,— поднявшись, отряхался от пыли Сергей.— Икону так пишут специально, чтобы

глазами она на человека смотрела. А если свечку к ней поднести, то она как будто глазами двигать будет.

Взгляды совсем привыкли к темноте, и братья, избавившись от первых страхов, по-хозяйски разгуливали по храму. Витя внимательно разглядывал икону.

— Старая. Наверное, стоит дорого,— предположил он.— Как ещё никто её не стащил до сих пор?

— Так говорят же, что место проклятое, вот и не лезет никто,— объяснил младшему Сергей и подошёл к Спасителю.— Ну прости нас, что ли, Господи, что мы к тебе без спросу пришли...

На этих словах из угла к куполу взметнулась стая летучих мышей, обрушивая на головы братьев мусор, клочья паутины и высохший помёт. Все трое вскрикнули и зажмурились. Страх вернулся, заполз каждому в живот, потом опустился, схватив за пятки, и не давал двигаться. Через несколько секунд всё стихло.

— Пошли-ка отсюда,— прошептал Сергей.— От греха подальше.

Хлопцы стали пятиться к окну, и скоро Влад нащупал рукой подоконник.

— Лезем обратно,— скомандовал Сергей.— Владик, ты первый.

Через минуту Влад был на улице. Уф! Вторым вылез Витя. Прошла ещё минута, но старшего брата всё не было.

— Где он? — забеспокоился Влад.— Серый! Ты где, братишка?

Голова Сергея неожиданно появилась в окне.

— Фу, чёрт, напугал! — крикнул на него Влад.— Ты где был?

— Парни, а икону точно все видели? — спросил старший.

— Все,— хором подтвердили Влад и Витя.

— Я это, хотел её взять, чтобы деду Тихону показать.— Сергей взобрался на подоконник.

— Ну а чего не взял? — задал вопрос Витя.

— Так это... нет её там...

Братья прошли уже до середины тропинки к дому, как вдруг все трое почувствовали на себе чей-то пристальный взгляд. Они обернулись: вдалеке у церкви стоял странный человек, весь чёр-

ный, а на голову его, как показалось отсюда, был накинут капюшон. Человек внимательно глядел в их сторону, но не двигался.

— Пугало, что ли? — предположил Влад.

В ту же секунду пугало неожиданно подняло руку... И братья припустили до хаты со всех ног...

К вечеру в Иванову хату к Аркадию и Сашко подтянулся Олекса Юраков. Пришёл Юраков, ясное дело, не с пустыми руками: трёхлитровая банка мутноватой ячменной горилки была заботливо припечатана пластмассовой крышкой.

— Вот, для добрых людей берёг,— поставил банку на стол Олекса.

— Целых два дня, заметь,— хохотнул Аркадий.— И не выпил! Характер у тебя однако.

— Аркаша, я ж без компании пил только раз,— потянулся в буфет за стопкой сосед.— С горя, когда в школе на второй год оставили.

— А с Дунькой своей? — уточнил на всякий случай Сашко.

— А насчёт Дуньки никак невозможно,— покачал пальцем перед носом Сашка Юраков и дунул в стопку, из которой вылетела засохшая муха.— По той причине, что говорить с ней ни с пьяной, ни с трезвой не о чем. А чтобы молчать за столом — я уже столько не пью.

— Ну давай тогда за добрую беседу.

Три рюмки, стукнувшись друг о друга, опустели.

— Нет, хлопцы, после одной разговора не будет.— Олекса снова принялся наливать из банки, нечаянно пролив горилку на стол.

— Ты пьяный уже, или как? — разозлился на него Аркадий.— Мимо льёшь!

Спустя полчаса беседа шла полным ходом. Точнее, говорил Юраков, а Аркадий с Сашком пытались то и дело поймать Олексу на несоответствиях повествования.

— Морозы в ту зиму, хлопцы, были сумасшедшие,— подперев рукой щёку, романтично уставился на банку с горилкой Юра-

ков.— А я уже женат был? Не помню. А, ну да, как же. Так вот с Одаркой, жинкой, значит, моей молодой, сидим мы в хате, выпиваем немножко...

— Стоп! — шлёпнул ладонью по столу Сашко.— Ты ж говорил, что с жинкой не пьёшь, а?

— Кто — я говорил? — вздрогнул Олекса и снова принял блаженную позу.— Может, и говорил, отцепись, Саша. Так вот выпили, я и говорю: пойду-ка я, Одарка моя дорогая, к своим товарищам схожу, давно я их не видел — с тех самых пор, как на тебе женился.

— И что, отпустила? — перебил рассказчика Аркадий.

— А то! Иди, говорит, конечно, супруг мой дорогой...

— Давай ближе к делу,— заторопил Олексу Сашко и сам принялся разливать.

— В клубе танцы были, суббота, значит,— опрокинул стопку Олекса.— Встретились мы там, выпили, конечно, сидим, разговариваем. Потом я хватился — темно уж совсем. Нет, говорю, товарищи мои милые, я теперь человек несвободный, пойду домой.

— К жинке? — уточнил на всякий случай Аркадий.

— К Одарке... Помолчи, Аркаша! — разозлился, наконец, Юраков.— А то весь интерес собьёшь. А рассказ без интересу, как женщина без того, что под юбкой.

— Ладно, ладно,— успокоил его Аркадий.— Давай дальше.

— Иду я домой, а мороз, говорю же, страсть. Думаю, Одарушка моя волнуется, наверное, страшно. Где я, что я? И, наверное, замерзать я стал, потому как захотелось мне спать отчего-то. Дай, думаю, посплю чуток и пойду домой.

— Так ты пьяный, что ли, был? — снова перебил его Аркадий.

— Не определённо, Аркаша,— поднял палец Олекса.— Но чуял в себе слабую головокружительность.

— Молчи, Аркадий,— намахнулся на брата Сашко.— Молчит он, диду, давай дальше.

— В общем, задремал я, хлопцы, даже сон тот помню. Будто малым совсем на Раставицу нашу бегу — и с разбегу прямо в воду. А вода тёплая-тёплая...

— Это ты замерзать уже начал,— на всякий случай испугался за Олексу Сашко.

— ...А потом ногами словно на родник попал, и заломило мне их до судорог. Проснулся я, а сапог на мне нету.

— А куда ж они подевались? — вытаращил глаза Аркадий.

— Товарищи мои дорогие пособили, что следом шли: сняли с меня сонного, до дому отнесли и в будку собачью поставили. Юмор такой дурацкий.

— И? — испытующе поглядели на Олексу братья. — А ты что?

— Что-что. Побежал до дому, я ж трезвый уже был. Прибегаю, стучу в дверь.

— А Одарка?

— А Одарка, бисова душа, спать легла, хату закрыла,— хлопнул по коленке Юраков.

— А ты?

— Закричал ей. Слышу, встала, идёт открывать, а стоять-то мне холодно. Ну я вкруг хаты кружочек даю, значит. Одарка дверь открывает — нет никого. Ну она закрывает, ясное дело. Тут я подбегаю — хата закрыта. Опять кричу, стучу. Она опять долго идёт, я снова вкруг хаты...

— Да ну?! — не сводя глаз с Юракова, замер Аркадий.

— Вот тебе и «да ну». С третьего раза только заскочил! Нечистого это проделки были, ей-богу.

— Чего ты там брешешь опять, Олекса? — Под хохот в комнату, наклонившись у косяка, вошёл дед Иван. — Что, хлопцы, ужин у маты скоро?

— Не брешу я, Иван,— обиженно ответил Юраков. — Вот помру, так будете сильно скучать по моей грешной душе, и некому будет вам рассказывать.

— У меня вон Сашко на это есть, а ты, Олекса, если и помрёшь, то непременно со смеху,— заметил дед Иван.— Так, горилку в этой хате когда наливают — до ужина или после?

— По моим рассказам историю Таборова ваши внуки писать будут,— не унимался Юраков. — Так что я, можно сказать, летописец.

— Лето-писец, говоришь? Слава богу,— поднял вместе со всеми чарку хозяин.— Значит, зимой меньше твоей брехни будет. Ну, бывайте здоровы!

Когда совсем стемнело, Юраков, шатаясь, поплёлся к себе в хату. Входя, он, чертыхнувшись, опрокинул на пороге себе на ноги ведро с помоями.

— Вот же бисова твоя душа! — раздался крик Одарки.— Не пущу в хату на ночь — вонять будет!

— Не шуми, дура! Перед людьми за тебя стыдно,— начал было Олекса, но тут же уразумел, что и впрямь может лишиться ночлега.

— Ах ты, подлюка такая,— ласково отозвалась Одарка, и рядом с Олексой грохнулось что-то тяжёлое.— Чтоб ты сдох!

Через четверть часа всё успокоилось, и Таборов погрузился в свои ночные сновидения. Сергей, Влад и Витя уже час лежали, глядя через открытую дверь сеновала на яркие звёзды. Одна из них вдруг быстро пролетела, вскрыв чёрное небо, оставляя в нём белую бескровную рану, и тут же погасла в ночной бездне. Спустя мгновение рана затянулась без следа.

— Вы желание загадать успели? — спросил Влад.

— Я загадал,— послышался голос Вити.— Только говорить нельзя — не сбудется.

— По-любому не сбудется,— повернулся на бок Сергей.— Я пять ночей подряд загадывал, и ничего. Ерунда всё это.

— Куда всё-таки икона делась, а? — не унимался Влад.— Мы же её точно видели.

— Не знаю,— Витя перешёл на шёпот.— Говорю же, нечистый там живёт.

— Дьявол икон боится, он их не тронет,— со знанием дела возразил старший.— А может, и показалось нам. Да бросьте вы, далась нам эта икона.

— Нет, точно икона была,— уверенно сказал Влад.— И пятно на алтаре. Странно всё это.

— А давайте у деда Тихона спросим, — предложил Витя.

— Можно и у деда Тихона, — зевнул Сергей.

— Одарка! Одарка! — раздался в тишине крик.

Хлопцы подскочили как по команде.

— Слышали? Кто это? — высунул голову на улицу Влад.

— Одарка! — захрипел голос Юракова в раскрытом окне хаты ещё громче.

— А?!. Чего?!. Чего орёшь? — послышался сонный перепуганный женский голос.

— Ты спишь?

— Сплю, да. Чего тебе?

— Ну спи, спи, мне тебя не треба.

Всё стихло.

— Это дед Юраков чудит, — снова укладываясь, заметил Сергей.

— Одарка! Одарка! — понеслось снова, спустя четверть часа.

— Да чего тебе, господи?

— Ты спишь?

— Да сплю, бисов сын, когда ж ты сдохнешь, я посплю хоть!

— Ну спи, спи, мне тебя не треба... На том свете чёрт тебя будить станет.

Снова что-то грохнулось, в хлеву недовольно мыкнула Маруська, разделяя нелёгкую женскую Одаркину судьбу, и село, наконец, угомонилось.

Деду Ивану не спалось. Он вроде бы задремал на своей старой скрипучей железной кровати, но ему на какое-то мгновение вдруг приснились война и плен. Иван открыл глаза, резко сел в кровати, отчего сильно вступило в спину. Он потёр поясницу и, поднявшись, стараясь не спугнуть сон своей Нины, достал из-за иконы небольшую бутылочку. Жена давно знала про заначку, но виду не подавала — пусть себе. Он ведь её любит и даже ни разу толком не бил за эти без малого пять десятков лет, прожитых вместе.

Вот и сейчас, чуть приоткрыв глаза, Нина лишь повернулась на другой бок.

Иван вышел в кухню. Сквозь крохотное окно на видавшую виды клеёнку падал лунный свет, а за печкой что-то зашуршало.

— Ну, здоров, здоров, — усмехнулся Иван, сев за стол. — Ты со мной посидеть пришёл? Ну проходи, коли так.

На середину кухни, обнюхивая по пути каждый сантиметр пола, осторожно вылез мышонок и уселся перед хозяином.

— Как жив-здоров? — кивнул ему дед. — Не добрался до тебя ещё наш Марко? Гляди, не попадись ему, а то меня рядом не будет — не спасу. На, держи, — Иван бросил на пол маленький кусочек хлеба.

Мышонок подобрался к хлебу, обнюхал подарок и, схватив, быстро юркнул обратно — вдруг Иван передумает. Дед усмехнулся ещё раз и налил стопку.

— Война, война, когда же ты меня забудешь?..

* * *

1941 год

В свой первый бой Иван попал на следующий день после того, как их пополнение прислали в полк куда-то под Ровно. С утра было очень тихо, и совсем молодой ротный, задрав голову в синее небо, зачем-то начал кружиться в вальсе.

— Люблю с небом кружить, — засмеялся он. — Я ещё две недели назад с Варей своей так кружил. Две недели, а как изменилось всё...

Всё произошло быстро: немецким фугасом совсем рядом разорвало и вздыбило землю. Иван сразу оглох и, схватив винтовку, увидел, как, не отрывая взгляда от неба, сорвалась с плеч и упала на землю голова ротного. Тело командира, успев закончить круг вальса, рухнуло рядом. Иван зажмурился, чтобы не видеть этого ужаса, но в то же мгновение звук вернулся, и в ушах страшно грохнуло.

— Ложись! — заорал кто-то. — К бою!

Бой был коротким. Последнее, что увидел Иван, были немцы, идущие прямо на него. Он передёрнул затвор, но вместо выстрела наступила темнота...

Почувствовав сильную боль, Иван открыл глаза. Над ним стоял человек в немецкой форме и, показывая на него дулом автомата, что-то говорил другому. Потом они оба засмеялись.

— Шнель, ауфштейн! Встать! — заорал первый, наклонившись к Ивану.

Иван с трудом поднялся и тут же получил удар прикладом в спину.

— Шнель, руссиш!

Иван увидел перед собой длинную колонну таких же, как он, грязных, избитых, окровавленных людей.

— Я украинец, а не руссиш! — повернул Иван голову к фашисту. — Но это без разницы...

Потом они долго шли по пыльной дороге. Подсолнухи уже набрали силу, образуя по обе стороны дороги жёлто-зелёный лес. В этот лес, разорвав колонну и оттолкнув автоматчика, рванулись трое. Одного скосило автоматной очередью через несколько шагов. Двое успели затеряться в зарослях, и тогда немцы, окружив поле, подожгли его с четырёх сторон. Посреди трещавших в огне подсолнухов встал с поднятыми руками только один. Он вышел к краю поля, и двое немцев, разбив ему прикладами голову, прострелили обе ноги и бросили обратно в огонь. Иван вместе со всеми глядел, как горящий солдат страшно кричал ещё пару минут, а потом затих...

Примерно через час появилась железнодорожная станция.

— По вагонам! — отдал команду какой-то офицер в круглых очках на страшно ломаном русском. — Вам очень хорошо. Вы ехать работать в великая Германия. Есть из вас комиссары, коммунисты? Если есть, выходить — они не ехать в Германия...

В товарном вагоне, куда затолкали Ивана, было человек двести. Кто-то обречённо сидел на полу, расставив согнутые в коленях ноги, кто-то крестился, поминая недобрым словом пославшую его на войну власть Советов. Совсем юный хлопчик искал щель между стенными досками, пытаясь широко открытым ртом глотнуть из неё свежего воздуха.

— Боюся я, мужики! — повернулся он к товарищам. — Не могу, когда закрыто, душно мне дыхать...

— Не суйся, дура, пристрелят,— оттянул его в глубь вагона сержант.

— Там вон, в том краю слева, в сортире дырка,— заржал кто-то.— Иди туды высунься, а мы пока потерпим, правда, мужики?

Кругом захохотали, чтобы хоть чем-то отвлечься от дурных мыслей. Состав, наконец, дёрнулся и медленно пополз на запад, унося бойцов Красной армии к чужой земле.

— Может, оно к лучшему, а? — послышалось откуда-то.— Не убили ведь, а там немцы работу дадут. Может, обойдётся, а?

— Погодь ты,— осадил говорящего немолодой голос.— Не бреши пустое. Что будет, одному богу теперь ведомо. А может, и бог даже не знает.

Все замолчали. Состав монотонно отстукивал привычный ритм, и казалось, что это последнее, что ставшие в один миг беспомощными люди будут слышать в своей жизни. А когда звук затихнет, вместе с ним всё закончится навсегда.

— Братцы, да мы ж ещё дома! — жарко возразил ещё кто-то.— Чего себя раньше смерти хороним? Фрицев мало, по дороге, как на остановке до ветру выпустят, передавим всех — и в лес. А дальше к своим пробиваться.

— Не выпустят,— Иван поднялся и, расталкивая всех, направился в угол вагона к сортиру.— Иначе нужник для чего тут?

Иван присел у небольшой дыры. Сквозь неё были видны убегающие шпалы, которые начинали сливаться в глазах — поезд набирал ход. Иван обвёл глазами товарищей, выбрав такого же рослого, как он сам.

— Поди сюда!

Парень придвинулся к дыре. Иван схватился руками за неровный, уже обгаженный кем-то край доски.

— Тяни давай! — зарычал он, и высокий парень схватился за другую доску.

Доски вывернулись, сломавшись посередине.

— Давай ещё!

К ним подскочили ещё несколько бойцов. Вскоре в полу зияла дыра. Колёса бешено стучали, земля мелькала перед глазами пленников.

— Как притормозит, лезем, — приказал Иван.

— Ты, это, погодь, боец, — чуть дрожавшим голосом сказал стоявший рядом сержант. — Ты чего удумал?

— А ты чего? — не вставая, поглядел на него Иван. — К немчуре хочешь? Так езжай с богом — держать не станем.

Минут через пять поезд замедлил ход. Иван первым сунул голову в дыру. Меньше чем в метре от него летела обратно на восток родная Иванова земля. С каждой секундой её становилось всё меньше. Иван схватился рукой за какой-то невидимый ему выступ под вагоном, на удивление легко просунул своё огромное двухметровое тело в дыру и исчез. Другой, ломавший доски, заглянул вниз: Иван, перебирая руками, уже добрался до нижнего края вагона и, оттолкнувшись что было сил, нырнул у самого колеса и покатился вниз по насыпи.

— Вышло у него! А ну пошли! — закричал товарищ.

Один за другим пленники начали выкатываться из-под состава. Поезд вдруг дёрнулся и почти мгновенно остановился. Восемь бойцов, успевших спрыгнуть и скатиться вниз в высокую траву, замерли, и в это время сверху им на голову посыпались остальные. Немцы начали что-то кричать, грохнул выстрел.

— А ну бегом, к лесу давайте! — заорал Иван и первым бросился бежать.

Так быстро он ещё никогда не бежал. Словно во сне, будто ноги несли Ивана сами, он почувствовал, что ещё чуть-чуть — и он взлетит в это летнее небо, расправит спрятанные от рождения в спине крылья и улетит далеко-далеко. Воздух резанула автоматная очередь.

— Шнель, швайн! — орали сзади. — Шнель! Ягд, охота!

Иван почувствовал дыхание бегущих рядом — тяжёлое, встряхивающееся на каждом неровном шагу. До леса оставалось не больше ста метров.

— Ты молитву читай, Ваня! Читай! — хрипел кто-то рядом. — Господи, иже еси на небеси… Ты читай…

— Да не знаю я их! — сбив дыхание, зачем-то ответил Иван. — Неверующий я…

Чего они не стреляют, а? Чего?!

Очередь, наконец, полоснула по ним, рядом в землю будто начал бить град. Тот, кто читал молитву, коротко вскрикнув, упал, потом начали падать ещё и ещё.

— Шнель! Бежать! — дикий хохот прорвался сквозь выстрелы.

— Петляйте! — закричал Иван и понял, что летать он не умеет и даже во сне никогда не сможет подняться в небо.

Всё превратилось в один сплошной грохот. Грохот давил со всех сторон, словно небо, став от летающего в нём свинца непомерно тяжёлым, прижимало Ивана к земле… Лес!..

Иван упал лицом вниз. Больше не стреляли. Он слышал, как ещё смеялись немцы, как тронулся и отправился дальше состав, а потом стало очень тихо. Спустя минуту Иван осторожно поднял голову и огляделся: никого. Странно, но на нём не было ни одной царапины.

— Молись, молись, — начал разговаривать сам с собой Иван, перевернувшись на спину. — Вот тебе и молись.

— Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного, — донеслось откуда-то слева.

Иван ползком направился на голос и вскоре увидел стоящего на коленях парня в изодранной гимнастёрке.

— Живой?! — крикнул ему Иван. — Живой, спрашиваю?!

— Живой, слава Вседержителю, — перекрестился тот.

— Погодь, да я ведь тебя знаю откуда-то.

— Нет, ошибся ты. Издалёка я.

— А чего молишься? Веруешь, что ли?

— Верую, как не верить?

Иван подполз к самой опушке и выглянул. На поле, через которое они четверть часа назад мчались, пытаясь обогнать смерть, было пусто. Совсем рядом, метрах в трёх, лежало прошитое пулями тело сержанта. Кровь стекала из маленьких отверстий тонки-

ми красными струйками на траву, и вокруг всё постепенно становилось чёрным. Откуда ни возьмись появился ворон и, громко хлопая крыльями, опустился рядом с сержантом.

— Пошёл! — высунулся из укрытия Иван. — А ну пошёл!

Ворон каркнул, но не улетел, а лишь отскочил на пару метров и принялся расхаживать, не сводя глаз с мёртвого тела. Иван нащупал рукой камень и запустил им в птицу. Ворон медленно взлетел и начал нарезать круги над опушкой.

— Вишь как, — вернулся к напарнику Иван. — Ты в Бога веришь, а я вот нет. А в живых, похоже, только мы с тобой и остались...

* * *

— Ваня, Вань, — послышался из комнаты голос жены Нины. — Чего не ложишься-то?

— Да сейчас, сейчас, — вздрогнув, очнулся от воспоминаний Иван. — Иду я.

Он тяжело поднялся и, взяв бутылёк с горилкой в руку, начал думать, куда бы его припрятать на время.

«В шкафчик, наверх, за мешочек с сахаром? — вытянул голову Иван. — Нет, там сразу найдёт — чую, найдёт. За печку суну, только б не забыть».

— Вань, да иди уже спать, — позвала Нина. — Что ты с этой горилкой, как Олекса с брехнёй, — не знаешь, куда пристроить!

Иван замер, словно мальчишка, пойманный с украденной конфетой. Ему даже стало на мгновение стыдно, но потом он подумал, что так даже лучше.

— Ты за образа её только не прячь, — приказала Нина укладывающемуся на скрипучую кровать мужу. — Уронишь икону — беду в хату накличешь.

— Что ты с этими иконами? — забубнил Иван. — Нет этого ничего, Нинка. Того, обо что вы лбами бьётесь.

— Ой, богохульник ты старый, и детей такими же сделал, — вздохнула хозяйка. — Прости ему, Господи. Ты б хоть на старости лет сподобился.

— Помирать уж скоро,— отмахнулся муж.— Чего я менять буду? Зачем? Грехов за всю жизнь набрал, с ними и отойду, а там...

— А там Господь тебя примет,— ласково продолжила Нина.— Спросит тебя: как же ты жил, Ваня?

— А что, плохо жил? — усмехнулся Иван.— Хату отстроил, сад посадил, детей с тобой подняли. Если б не война, ещё бы Бог...

— Ну-ну,— засмеялась жинка.— Чего замолк-то? Правильно сказал — ещё бы Бог дал.

— Да это присказка! — разозлился Иван.— А дети и без Бога твоего росли и до людей доросли. Давай спи уже...

Утром над Таборовом собрался пойти дождь. Настроение в такие дни у хлопцев становилось хуже. Тем более что сегодня они хотели дойти до деда Тихона, чтобы разузнать про икону. Пока же оставалось сидеть на сеновале и уже второй час кряду играть в подкидного дурака. Игра была несложная, на интерес, но в дураках в этот раз почему-то чаще остальных оставался Влад.

— Давайте ещё партию,— тасовал он потёртую колоду карт каждый раз после очередного бурного хохота братьев.— Не мой день просто.

— У вас в России, наверное, другой дурак, да, братишка? — подзуживал Сергей.

— Дурак — он везде дурак. Что у нас в России, что у вас в Украине — одинаковый,— огрызнулся Влад.

А батьки хлопцев в карты, расстелив посреди двора какую-нибудь дерюжку, садились играть ежевечерне. Карточная церемония неизменно начиналась с издевательств над способностями соперника, а уж только после игроки с глубокомысленным видом принимались за дело.

— Вы перчатки взяли? — громко кричал соперникам Аркадий.

— Чего?

— Ну чтобы тасовать! — хохотал тот от собственной шутки, кажущейся ему очень удачной.

Обмануть соперника, сбросив карту в отбой или подкинув лишнюю в игру, здесь дело обычное. Играют-то не всерьёз, а по-

этому мухлевать разрешается и даже одобряется. А накануне батьки подозвали хлопцев, и Аркадий задал им задачку.

— Айда сюда, фокус покажу,— перетасовал он карты и, не глядя, показал братьям нижнюю из них.

— Запомнили? Тасуйте, я найду.

Сергей, тщательно перетасовав колоду, вернул её Аркадию, и тот спустя несколько секунд достал нужную карту.

— Она? — уточнил он.

— Она,— хором кивнули хлопцы.

— Давай ещё раз!

Так продолжалось раз десять. Братья по очереди бегали тасовать за сарай, в огород и даже в юраковские подсолнухи, но каждый раз Аркадий с неизменным чувством собственного превосходства безошибочно предъявлял загаданную карту. Сейчас, сидя за игрой, братья безуспешно пытались разгадать фокус.

— Как твой батька это делает? — спросил Витя у Влада.— Неужто тебе не говорил?

— Не-а, не говорил,— отмахнулся Влад и выглянул из дверей на улицу.

Под дождём по улице быстро шёл человек, одетый во всё чёрное. Он вдруг обернулся и посмотрел прямо на Влада, от чего у того похолодело внутри. Влад быстро юркнул обратно внутрь.

— Там мужик тот, весь в чёрном,— зашептал он братьям.— Мимо дома идёт.

— Где? — высунулся наружу Сергей.— Нет там никого.

Владом овладело странное ощущение, что чёрный человек не ушёл, а затаился где-то совсем рядом. Братья закончили надоевшую игру и лежали молча. Дождь тоже закончился, и воздух стал головокружительно свежим. Он пах шелковицей, грушами, сеном, подсолнухами и ещё бог знает чем, проникал через ноздри до кончиков пальцев, наполняя неповторимым ароматом всё вокруг. Братья, наконец, аккуратно слезли с сеновала и отправились прямиком к деду Тихону.

— Диду, вы дома?! — громко крикнул Витя, когда они вошли в сени. — Диду?

Постояв ещё с минуту, хлопцы вошли в дом. Хозяина не было — и куда он мог пойти? В комнате стоял очень старый круглый стол и два таких же старых стула. В углу под образами горела лампадка, умиротворяя комнату будто монашескую келью. Женщины, по всему видно, здесь никогда не бывало. Влад повернул голову, чтобы ещё раз посмотреть на страшную икону, и вздрогнул. Глаза у отрубленной головы были открыты и смотрели прямо на него! Влад вдруг понял, что не может двинуться с места. Всё вокруг завертелось, в голове появился странный шум, и комната неожиданно стала очень большой. Стены будто отодвинулись, расширяя пространство, стол и стулья оказались где-то далеко, а братья почему-то исчезли. Вместо них в комнате стоял тот самый человек в чёрном плаще и капюшоне, которого Влад видел на улице. Ужас охватил Влада. Человек приблизился к нему и протянул руку. В руке он держал отрубленную голову с иконы. Голова часто моргала глазами и вдруг улыбнулась Владу. Тот попытался закричать, но вместо этого из горла его вырвался хрип...

— Владик! Братишка! Проснись...

Влад открыл глаза. Он лежал на сеновале, над ним свесились Сергей и Витя.

— Напугал нас, — зло намахнулся на него Сергей. — Думали, что ты задыхаешься во сне.

Влад резко сел. Так это был сон, просто странный нелепый жуткий сон. Он затряс головой, пытаясь вытряхнуть оттуда остатки сновидений. Братьям он пока решил не рассказывать — лучше поскорее забыть.

— Дождь к концу, — сказал Сергей. — Ну, айда к Тихону? Так у вас говорят, брат?

— Может, сами сходите? — неуверенно попросил Влад. — Чего-то голова болит.

— Нет, если вместе, значит, вместе, — не согласился Витя. — Договаривались же, что только вместе везде.

— Ладно, иду я, — поднялся Влад.

— Здорово, хлопцы,— улыбаясь, поприветствовал Тихон вошедших в хату братьев.— Чего-то зачастили вы ко мне. Дело какое имеется?

— Диду, а вы про одну икону ничего не знаете? — с ходу поинтересовался Витя.

— Что за икона? — улыбаясь, переспросил Тихон.— Какая такая икона?

— Ну Спасителя вроде, большая такая,— путано начал объяснять младший из братьев.— Старая очень.

— Где ж вы её видели? — улыбка исчезла, а взгляд старика стал напряжённым.

— Да видели в одном месте,— вступил в разговор старший Сергей.

Влад всё это время, не отрываясь, глядел на икону с отрубленной головой, и мурашки ползали по его спине и затылку. Он снова и снова вспоминал сон и ждал, что вот-вот произойдёт что-то страшное — то, что было во сне. Но ничего не происходило, и икона с головой несчастного Иоанна висела на своём почётном месте.

— Так где видели, хлопцы? — Тихон стал совсем серьёзным.

— В церкви старой,— опустив глаза, признался Витя.

Тихон резко поднялся, в глазах его появилась тревога. Он обернулся на красный угол и осенил себя крестным знамением. От неожиданности все, и даже Влад, перекрестились.

— Господи Иисусе, сыне Божий, помилуй мя грешного...— отчётливый шёпот Тихона донёсся до братьев.— Не ходите туда больше. Слышите?!

— Слышим,— хором протянули братья.

Снова странная звенящая тишина заползла в уши Владу, и ему стало тяжело дышать, но страх улетучился с той самой секунды, когда он впервые в жизни перекрестился. Он сделал глубокий вдох, и дышать стало легче.

— А там что, нечистый живёт? — выпалил вдруг Витя.

— Нет там никакого нечистого,— ответил хозяин.— Просто не ходите, и всё. Ноги обломаете, потом батьки ваши что скажут?!.

* * *

1939 год

— Как отдохнули, батюшка? — комиссар стоял посреди кабинета и глядел на окровавленного отца Серафима, которого два заплечных дел мастера только что приволокли из камеры на новый допрос.

— С Божьей помощью... — прохрипел, сплёвывая кровь, священник, едва удерживаясь на стуле.

— Ну-ну, — сел на свой стул начальник. — Послушай, отец Серафим, зачем тебе всё это? Или хочешь здесь за грехи свои отстрадать — и сразу в рай?

— Это не мне и не вам решать, — поднял Серафим глаза в растрескавшийся потолок.

Серафим смотрел вверх и ждал, будто сию же минуту потолок разверзнется, в открывшемся небе появится сам Господь и заберёт отсюда Серафима навсегда.

— Где всё? — снова спросил комиссар.

— Зачем это вам? — вдруг улыбнулся невинной улыбкой священник. — Вы же не веруете, зачем это вам?

Дверь открылась, и на пороге показался боец.

— Товарищ комиссар, там депеша вам из Киева, — громко доложил он. — Сказали, что срочная.

Следователь быстро вышел. Серафим ещё раз оглядел комнату и подумал, что он уже никогда отсюда не выберется.

— Значит, на то воля Твоя, Господи, — сказал он вдруг самому себе, снова подняв глаза, и на душе стало легко и радостно. — Прими душу мою грешную...

Дверь снова распахнулась, комиссар подошёл вплотную к Серафиму. Тот перестал глядеть вверх и перевёл взгляд на следователя. Комиссар поёжился — что-то не то удивило, не то напугало его во взгляде этих пронзительно голубых глаз.

— У меня есть приказ, а завтра утром мне нужно быть в Киеве, — зло выдавил сквозь сжатые зубы энкавэдэшник. — Времени у меня почти нет, а значит, как ты понимаешь, и у тебя тоже. Ты хлопец упорный, но я и не таких ломал.

— Я ничего не знаю,— покачал головой отец Серафим.— Ничего.

— Ты хорошо подумал? — комиссар резко расстегнул кобуру и достал револьвер. Помедлив несколько секунд, он взвёл курок и направил ствол в голову Серафиму.— Ну что ж, тогда молись, поп.

Серафим прикрыл глаза и быстро зашептал молитву. Грохнул выстрел...

* * *

— Ну вот, сходили называется,— обиженно сказал Витя, когда все трое выскочили от деда Тихона, как ошпаренные, на улицу.— Чего он так взъелся? Теперь родителям скажет.

— Да уж,— почесал в затылке старший из братьев.— Нашли себе приключений.

— Теперь вообще ничего не понятно,— оглянулся на хату Тихона Влад.— Что ж там в этой церкви такое?

У братьев никак не шёл из головы разговор с Тихоном. Надо было чем-то отвлечься, и вскоре это получилось как нельзя лучше.

— Витю, сынуню, мне тётя Лена сказала, что на грушу нашу лазал, правда? — мама Вити Лида, выйдя из хаты, подступила к сыну, и на плече её висел обычный рушник.

При виде знакомого рушника Витя слегка побледнел и тут же начал медленно пятиться от мамы, ища глазами возможность ретироваться.

— Сынку, ты мне только скажи: лазал? — ласково, но уверенно надвигалась Лида на сына.

— А чего? Я же...— Витя упёрся спиной в изгородь и понял, что придётся принять бой.

— Лазал, падла такая? — голос Лиды зазвучал ещё нежнее.— Иди сюда!

Рушник, будто праща ветхозаветного Давида, свистнул в воздухе. Что было дальше, Сергей с Владом не видели, потому что сильно зажмурились, а когда отрыли глаза, Вити уже не было.

— Ещё раз полезешь, прибью! — кричала куда-то в огород Лида и обернулась к хлопцам: — А вы лазали?

— Нет, — не стали медлить с ответом двое других братьев.

Из них двоих Влад точно не врал. Страх высоты преследовал его с той поры, как он однажды грохнулся с такого вот дерева. Товарищи по двору, забираясь на очередную трубу, крышу или дерево, звали Влада к себе, и предлоги для того, чтобы не лезть, выдумывать становилось всё труднее. Влад не по годам рано становился философом и понимал, что свой авторитет придётся завоёвывать другими методами.

Но сейчас это было не столь важно, потому что оба брата отправлялись искать младшего.

— Куда он делся, хлопцы? — начала кудахтать наседкой мама Лида, не выпуская рушника из рук. — Витенька, сыночка, ты где сховался?

— Не видно нигде, — пожал плечами Сергей.

— Шукайте его, шукайте, а то зараз тоже получите, — благословила Лида племянников.

Витя тем временем карабкался на ту самую грушу. Влад вдруг неожиданно увидел вдалеке брата, усаживающегося на край самой верхней толстой ветки, и от одной мысли, что он туда забрался, у него внутри всё похолодело до самых пят. Витя свысока выражал всем телом обиду не только своей маме, но и, по крайней мере, всем мамам Украины, посмевшим когда-то обидеть непослушных детей. Сидя на корточках, он презрительно и монотонно раскачивал ветку. При этом до земли было добрых метров десять. Мама Лида ещё не узрела весь этот ужас, что не мог присниться ей в самом кошмарном сне.

— Серый, гляди, — шепнул Влад старшему и кивнул на грушу.

— Ой, чего сейчас будет...

— Куда это вы глядите? — Лида будто разом схватила каждого из братьев за оба глаза, не давая им вырваться, и, наконец, нашла канувшего в небо сына. — Ой... Витю... Сыно-очка!

Через минуту под грушей было очень шумно. Шум создавался одним-единственным женским голосом, но этого было доста-

точно, чтобы с окрестных деревьев разом вспорхнули птицы, со всех своих ножек, выскочив непонятно откуда и с ходу потеряв посаженную на спину грушку, начал улепётывать ёж. Вместе с мамой Лидой и братьями у груши оставался лишь разбуженный криком старый Мухтар, одновременно лаявший и на всякий случай вилявший хвостом.

— Витенька, сынку, слазь, Христа ради, слазь! — завывала Лида. — Слазь, родненький мой!

— Не слезу,— тихо, но твёрдо донеслось откуда-то из раскидистой кроны.

— Сыночка, слазь, прошу тебя, мама ругаться не будет! — наугад молилась в небеса Лида.

— А биться не будешь? — снова раздался голос сверху.

— Не буду, сыночка, не буду!

Послышался треск, крона зашевелилась, и из неё показалась Витина нога. За ногой обнаружился весь Витя, целый и невредимый.

— Точно не будешь биться? — замерев напоследок на пока безопасной для себя высоте, ещё раз постарался убедиться Витя.

— Не буду, родной,— воздела к сыну руки мама Лида, наблюдая маячившую над её головой сыновью ногу, и, прицелившись, мгновенно вцепилась в неё мёртвой хваткой. — Иди сюды, подлюка!..

Через четверть часа братья сидели на любимом сеновале. Витя потирал различные места своего провинившегося тела.

— Больно? — сморщившись, будто представив себя на месте брата, осторожно спросил Влад.

— Бывало и хуже,— вздохнул тот. — Хорошо, что вы все здесь.

— Прикрыли, как смогли, братишка,— улыбнулся Сергей. — Ладно, до свадьбы деда Тихона заживёт.

Они расхохотались, и все обиды вмиг улетучились — это же мама, как можно?..

Той ночью в Таборове раздался женский крик. Он не был похож ни на тот, которым кричали уходящие Гришкины жёны, ни на тот, которым Одарка поминала всуе нечистую силу вместе

с Олексой. Крик был чужим, страшным и, как показалось вмиг проснувшимся братьям, не совсем человеческим. Он прозвучал где-то совсем рядом.

— Что это? — жутким шёпотом произнёс Влад.

— Не знаю, — сел рядом Сергей. — Витя, ты креститься, что ли, начинай на всякий случай.

— Точно дьявол! Мы его в храме спугнули, вот он по селу и бродит, — послышался дрожащий голос Вити. — А вы мне не верили.

— Выглянем, что ли? — не беря на себя личную ответственность за непростое решение, спросил старший.

— Страшно как-то, — покачал головой Влад.

Все трое прислушались, и вдруг в наступившей тишине явно услышали, как заскрипели ступени лестницы, ведущей на сеновал. Судя по скрипу, шаг за шагом наверх поднимался кто-то тяжёлый. Братья, как по команде, легли и, не дыша, натянули одеяла до самых глаз.

— Господи, спаси, — успел шепнуть напоследок Витя. — Дверь закрыта?

В следующее мгновение в щелях между дверных досок появилась чья-то огромная тень, заслонившая просачивающийся на сеновал лунный свет. Тень замерла, и неожиданно сквозь щели ударил луч фонарика. Луч начал скользить по сену, по одеялам и, наконец, добрался до мальчишеских голов. Братья зажмурились от ужаса, чувствуя, как кто-то неизвестный внимательно разглядывает их. Только бы не шевельнуться! Дверь тихонько дёрнулась, потом сильнее, но не поддалась. Страх пополз от пяток к головам и насмерть сковал братьям глотки, из которых был готов вырваться крик. Луч замер и вдруг погас. Тень мелькнула перед дверью ещё раз и начала сползать вниз. Сергей резко откинул одеяло, рванулся к двери, дёрнул крючок и распахнул её. Кто-то чёрный быстро удалялся по ночной улице.

— Ты кто?! — срывающимся голосом громко крикнул Сергей. — Чего надо?

Незнакомец не оглянулся и, прибавив шаг, растворился во тьме.

— Вот чёрт! — выдохнул Влад. — Что это было? Неужели из-за церкви этой всё?

— Надо батькам рассказать утром, — твёрдо сказал Витя. — Не к добру он приходил.

— Сразу в хате спать уложат, — предположил Влад. — И чего скажем? Мол, приходило чудище лесное и ушло, никого не утащило, даже полноги не откусило?

— Это тот мужик в чёрном, — раздался голос старшего. — Которого мы у храма видели. Чего он тут ищет?..

С утра в доме Юраковых шёл процесс, который начитанный на старости лет Олекса для конспирации называл мудрёным словом «хобби». Каждый член семьи играл в хобби свою, строго отведённую ему роль. Главным в процессе, конечно, был сам Олекса Юраков. Именно в его опытной голове хранилась тайна пропорций воды, сахара, дрожжей, пшеницы, томатной пасты, трав и бог знает чего ещё. Стеклянную бутыль, бадью из нержавейки и медный змеевик Олекса подготавливал и соединял настолько тщательно и с любовью, оттачивая каждый штрих, что можно было снимать об этом кино или писать книгу. Но Юраков в силу известных причин предпочитал держать своё искусство в тайне. Украинская горилка — вещь дюже особенная. Её вы ни с чем не спутаете, стоит лишь открыть бутыль. Не разбирающийся человек тут же своротит физиономию и начнёт искать на столе коньяк или водку и сильно прогадает в таком случае. Да ещё и хозяина обидит. Потому как в Украине горилка всё равно что вино в Италии, — одним словом, национальный продукт, и пьют её, вопреки слухам, культурно и со вкусом. Вот поглядеть на того же Василя, как он это делает. Сперва полную чарку нужно поднять и подержать у носа для запаха, потом, чуть задумавшись, отставить руку, полюбоваться цветом и поднести ко рту. Настоящий ценитель проделает эту процедуру раза три-четыре, прежде чем отправит горилку внутрь.

— Капает, — внимательно глядя на собранную систему, заключил Олекса. — Ещё пару часов — и совсем другой коленкор, понимаешь, будет.

— Зараз Аркадий свою милицию приведёт, и будет тебе и коленкор, и хобби твоя,— бубнила рядом Одарка.

— Молчи ты, я ж не только горилку — я экспремент ставлю,— заметил хозяин.— Научно, заметь.

— Ох, дурной ты, страсть как заметно,— намахнулась на мужа Одарка.

В ту же секунду в дверь постучали.

— Господи, участковый! — побледнела Одарка, задвинув занавеску.— Олекса, ховай хобби свою, ховай! Точно Аркаша его наслал, видать, не понравилась.

— Цыц ты! Держи нервы! — зашипел на жену Олекса.— Вот нелёгкая его принесла.

Поискав глазами, Юраков достал из шкафчика бутылёк нашатырного спирта и, открыв, плюхнул содержимое на пол.

— Это от запаху,— предупредил он Одарку.— Если что, крикнешь мне с кухни, что ведро трёшь, ясно?

— Ага,— не на шутку струхнула Одарка.

— Не нанюхайся гляди! А то за убийство пойду.

— Типун тебе, падла ты такая!

Через минуту Юраков объявился на пороге, растянув рот в улыбке.

— Доброго вам дня, товарищ начальник,— как можно натуральнее обрадовался он гостю.— Чего к нам? Случилось что?

— Здравствуйте, Олекса Михайлович,— снял фуражку Руслан.— Разогрело как. Всё у вас в хате в порядке?

— В хате? — сглотнул слюну Юраков.— Так само собой. Стоит хата, а что?

— А супруга ваша здорова? — испытующе поглядел на хозяина участковый.— Дарья Кузьминична?

— А чего ей сробится? — отрешённым голосом выдавил Олекса.— Не померла пока ещё.

— Да бог с вами, я ж не об этом,— испугался милиционер.— Как бы мне её увидеть?

— Прямо сейчас? — уточнил Юраков.

— Ну да. Она дома?

— А где ж ей быть? Сейчас крикну её,— не сводя глаз с гостя, попытался повернуть голову Олекса.— Одарка! Одарка, иди до товарища участкового. Ты меня слышишь?

— Я ведро тру,— донеслось еле слышно, будто Одарка чистила ведро, сидя в колодце.

— Ведро надумала чистить,— извиняюще засмеялся Юраков.— Вон оно как нашатырём прёт, чуете? Сейчас дотрёт и выйдёт.

— Так может, я пройду, диду? — шагнул участковый.— Мне Дарью Кузьминичну на пару слов всего.

— Нет-нет, чего вам там заразу нюхать,— Юраков преградил путь милиционеру и вдруг нагнулся к его уху.— Боится она дюже, товарищ начальник. Тут намедни ей видение было, так чуть душу не отдала.

— Кому не отдала? — непонимающе спросил Руслан.

— Ну, кто по её душу приходил — бог или дьявол, сказать трудно,— пожал плечами Юраков, окончательно вжившись в роль,— но теперь всех боится. Сама из хаты уж два дня ни ногой и соседей до себя не пускает.

— Вот! — сел участковый Руслан на крыльцо.— Так оно и есть. Я ж как раз по этому поводу к вам…

Братья всю прошедшую ночь не сомкнули глаз, и лишь когда солнце растворило ночную темноту в последнем закоулке сеновала, провалились в сон. Спустя примерно час Витя проснулся, но отчего-то не мог пошевелить ни одной частью тела. Ему стало жутко, и казалось, что тот чёрный человек вот-вот появится рядом. Он захотел крикнуть братьям, но ничего не вышло — язык и всё тело перестало слушаться. Витя прикладывал нечеловеческие усилия, чтобы двинуть хоть мизинцем, но тщетно. Он начал читать молитву, и ему показалось, что он, наконец, сел. Дышать было трудно, тело будто налилось свинцом, и Витя с трудом добрался до двери.

— Это я сплю, что ли? — спросил он себя.— Это сон?

Он распахнул дверь. Внизу был солнечный день, но во дворе почему-то никого не было — ни мамы, ни тёти Лены, всегда в это время уже хлопочущей с завтраком.

— Странно, куда они все делись в моём сне? — снова спросил себя Витя.

И хата, и лёх, и колодец — всё было на своих местах, но Витя понял, что двор стал чужим. Солнечный свет веял холодом, а трава была неестественно ярко-зелёной. Витя повернул голову в сторону груши и вдруг увидел себя, сидящего на краю той самой верхней ветки.

— Во как! — успел удивиться он.

В следующее мгновение ветка груши обломилась, и Витя увидел, как он очень медленно начал падать!..

Витя резко открыл глаза. Он лежал на сеновале в той же позе, в которой заснул под утро. Дышать стало легко.

— Фу ты чёрт, сон! — выдохнул он и испугался, что первым помянул всё же чёрта.— То есть Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного!..

Благополучный исход утреннего приключения с участковым Юраков, несомненно, хотел отметить. Тем более что процесс завершился, и, завернув в тряпицу бутыль первача, предусмотрительно выглянув в обе стороны улицы, Олекса спустя минуту уже сидел за столом в хате Ивана.

— Прости, Иван, но мне стресс снять треба,— выставил на стол бутыль Юраков.

— Ну добре,— кивнул Иван, на секунду высунувшись в окно и отметив взглядом копошившуюся в дальнем конце огорода жену.— Только снимать будем быстро.

— Так же быстро, Ваня, как мы детей когда-то заделывали — были обстоятельства,— наскоро разлил по чаркам Олекса.— И, что характерно, не промахивались. У тебя, не дай мне бог склерозу, восемь попаданий? Если, конечно, ещё это дело помнишь.

— Я-то помню,— усмехнулся Иван.— А ты с Одаркой только два раза попал.

— У нас другое,— взял чарку Юраков.— Одарку ж мою, когда немец из села бежал, вместе с остальными сжечь тогда могли. Она с обоими детьми, когда успела на сеновале сховаться, оттуда

видела, как мать и брата загнали, закрыли и подожгли. Говорит, кричали тогда люди страшно. А уж после всего того родить не могла.

— А моя за немца того уж тридцать годков молится,— вдруг сказал Иван.— Всё отыскать его мечтает, чтоб в ноги поклониться.

— Вот же — у фашистов тоже люди встречались,— покачал головой Олекса.

— Да какой из него фашист? Ну давай за любовь, что ли,— закрыл тему Иван, опрокинув рюмку.— Наливай, Олекса.

После трёх чарок, выпитых меньше чем за минуту, что вполне могло стать рекордом Таборова, Юраков сховал бутыль в карман пиджака, и они закурили с Иваном по «Беломору».

— А если бы не война, могло и по-другому всё быть,— задумался Иван.— Я бы в Белой Церкви на водителя выучился.

— А я б писателем стал,— размечтался Олекса.— Нет, ну ей-богу, я и название книжки придумал...

Иван не слушал товарища. Война снова окутала его память. Он вспомнил, как, уходя на фронт, прощался с Ниной в тот летний день. А потом, вернувшись живым, десятки раз просил рассказать жену эту историю про немца, каждый раз удивляясь, как такое вообще могло случиться. Дверь вдруг бесшумно открылась, и на пороге так же тихо появилась она.

— Во как! — раскрыл от удивления глаза Олекса.— Ещё б минута, понимаешь, и совсем другой коленкор был бы.

— Да пейте уже,— махнула Нина и села, будто прочитав Ивановы мысли.— Сегодня тридцать восемь годков ровно, как фашист в село зашёл. А через два года, когда отступали они, тогда все думали, что конец.

* * *

1941 год

Он появился в дверях хаты, долговязый, несуразный в этой военной форме, которая ему совсем не шла, в роговых очках

с толстыми линзами и, словно извиняясь, снял с головы странную не то кепку, не то пилотку.

— Гутен таг,— слегка поклонился вошедший.— Я Густав, я жить у вас, приказ немецкий командование.

— Ну жить так жить,— вздохнула Нина.— Хлопцы, девчата, идите, погуляйте пока.

Фельдфебель интендантской службы Густав сел на лавку и оглядел дом.

— Гут,— показал он в красный угол.— Готт — Бог, да?

— Ну да,— обернувшись, перекрестилась Нина.— У нас свой Бог, а у вас свой, если он у вас есть, конечно.

— Готт мит унс,— тоже перекрестился Густав.— Бог с нами.

— Ой не знаю,— снова вздохнула Нина.— Зачем мужиков-то в поле порешили? За что?

— Партизанен,— пожал плечами фельдфебель.— Партизанен, расстрел.

Нина сразу подумала, что вот так вот, в эти самые минуты, такой же фельдфебель может вести на расстрел её Ивана. Но ей стало не страшно, а зло. Нине захотелось убить проклятого фашиста, и пусть её потом вешают. Она стиснула зубы и машинально сжала в кулаке ручку лежавшего на столе за её спиной кухонного ножа.

— Кушать, фрау? — вдруг вежливо спросил Густав.

«Ишь ты, чёрт немецкий! Фрау я ему!» — чертыхнулась про себя Нина, но злость резко прошла, и она как-то обмякла.

— Будет зараз кушать,— перебросила хозяйка через плечо рушник и направилась к печке.

Спустя час они вместе с детьми и немцем сели за стол. На место Ивана Нина сразу усадила старшего, Мишу,— не дай-то Бог этот усядется. Густав достал из сумки хлеб, масло и печенье. Разорвав обёртку, он протянул по печеньке каждому из детей.

— Битте, киндер,— улыбнулся немец и, достав из нагрудного кармана фотографию, ткнул в неё пальцем.— Майне киндер.

Старшие Лена и Виталий прежде поглядели на мать, а Аркадий с Мишей схватили угощение сразу.

— Берите, — опустила глаза мать.

Ночью Нина не спала и думала, что её Иван воюет где-то недалеко от Таборова и вот-вот он ворвётся с нашими на окраину, они возьмут село и прогонят фашистов. Она прислушалась: фельдфебель храпел. Нина снова вспомнила про нож и села в кровати. Потом спустила босые ноги на пол и сделала шаг.

— Мама. — Нина вздрогнула. Маленький Аркаша звал её во сне.

Она подошла к печке, заботливо укрыла его одеялком и, вернувшись, осторожно легла обратно в постель...

* * *

Дверь резко открылась, и в хату ввалились Сашко и Аркадий.

— Гражданин Юраков! — наперебой зашумели братья. — Ваши документы!

— Цыц вы, христопродавцы, — поперхнулся Олекса. — Никак Одарка про участкового всем разнесла.

— Ну всё, сосед, — уселся за стол Сашко. — Без рассказа не уйдёшь. Да не ховай ты горилку под мышкой, вонять будет. Наливай.

— Тихо ты, командир! — прикрикнул на сына Иван, очнувшись от воспоминаний. — Забыл, как без штанов тут бегал? Снова зад надрать? Маты тут.

— Ладно вам, тату, — притормозил Сашко. — Простите, маты.

— Да ладно, — улыбнулась младшенькому любимцу Нина, смахивая слезу.

— Заобиделся, Саша? — улыбнулся, снова поставив на стол бутыль, Юраков. — Слухай наперёд, что батьки говорят, и учись, пока мы живы.

Снова все выпили, и Олекса принял позу поудобнее.

— Дело, значит, летом было, в уборку, — начал он. — Как раз нового секретаря парткома в колхоз прислали из этих, как его... двадцатипятитысячников. Хлопчик молодой, да уж дюже советский по повадкам. В сельском деле соображал слабо, но брал агитацией, ну там к стенке ставить обещал и всякое такое. Жинки у этого балбеса, ясное дело, не было — его партия заместо неё удовлетворяла, но жрать коммунистам всё ж разрешалось. Ему

бабы наши хлеб с молоком в поле таскали, не так чтобы по приказу, но больше из жалости. Да ещё такая беда у человека — ремня в штанах не было. На какое такое революционное дело он его потратил, история умалчивает.

— Как же он без ремня обходился? — аппетитно хрустнул огурцом Аркадий.

— Проволочкой, Аркаша, проволочкой,— тоже потянулся за огурчиком Олекса.— Наденет штанишки, проволочку плоскогубцами закрутит — и готов к бою.

— Ты диви! — усмехнулся Иван.— Без штанов парторгу никак нельзя.

— Жара стояла в том августе, и коммунист наш перед обедом решил в Раставице охладиться,— снова принял на грудь рассказчик.— Разделся — и нырк! А нам с хлопцами пить страсть как захотелось. Думаем, а отчего это молоко только партийным? Ну отпили мы половину из его крынки, думаем, хватится сейчас, к стенке кого-нибудь поставит.

— Ну? — перестал жевать Аркадий.

— Не нукай,— передразнил Аркадия Олекса.— Воды из речки в крынку долили, и будь здоров.

Иван с Ниной и сыновьями уже хохотали в голос.

— Оделся парторг, закрутил штаны — и в поле, агитировать за советскую власть.— Олекса тоже начал смеяться.— А хлопцы плоскогубцы-то сховали и ждут. Юмор такой дурацкий! Полчаса прошло, глядь, парторг наш плоскогубцы шукает. А их нема, понимаешь! Кричит хлопцам: вы не видели? Те головами машут: нет.

— Не расстрелял он вас за это? — давясь смехом, уточнил Сашко.

— Да нет,— махнул Юраков.— Но штаны в речке после сам стирал — бабам не доверял...

Братья на этот раз слезли с сеновала раньше обычного. Трава ещё не просохла от росы.

— О, вы чего, хлопцы? — вышла во двор Лена.— У меня ещё ничего не готово.

— Да не спится что-то, мама,— нехотя буркнул Сергей.

— Тогда берите вон молоко, по палянице — и идите гулять,— распорядилась она.

Братья уселись за стол, но кусок не лез в горло. Они думали об одном и том же — о ночном госте и о том, с чего начать рассказывать обо всём батькам. Влад, стараясь отвлечься, рассматривал узоры на старой выцветшей клеёнке, и в голове его начали рисоваться картины: вот дед с бородой и старым прищуренным взглядом, а если поглядеть по-другому, то вот уже слон плывёт по небу, а вот так очень похоже на кого-то в колпаке...

— Ты поел? — Сергей чуть толкнул Влада под руку.— Пошли к груше, что ли?

— Пошли,— поднялся Влад.

Все трое не спеша шли через огород, где под ногами уже вовсю желтели большие тыквы, выглядывали из-под земли буряки, прятались под своими листьями огурцы и, словно забытые после игры футбольные мячи, лежали белые кочаны капусты. У груши гулял ветер, наклоняя крону дерева в разные стороны, и казалось, что груша что-то рассказывает небу, а оно задумчиво слушает её, лёжа на большом белом облаке прямо над макушкой. Хлопцы присели у плетня.

— Вдруг он снова заявится? — прервал общее молчание Витя.

— Может и заявится,— согласился Сергей.— Надо подготовиться.

— Как подготовиться? — спросил Влад.

— У старого сарая серпы видели? Их возьмём, и топор ещё надо будет как-то забрать к ночи,— пояснил старший.— И спать не будем.

— А батькам когда расскажем? — Влад твёрдо был настроен ввести старших в курс дела.

— Сегодня скажем, но всё равно подготовимся,— заключил Сергей.— Вдруг они не поверят.

— Лады,— отозвался Влад и вдруг подскочил как ужаленный.— Вон он!

Братья вскочили следом. С другой стороны плетня быстро удалялся чёрный человек, видимо, спугнутый их криком. Хлоп-

цы онемели от ужаса. Человек вскоре скрылся за стогом сена и больше не появился.

— Пора батьков на помощь звать, — сказал Витя. — Пошли...

Братья подбежали к хате, как вдруг услышали незнакомый женский голос.

— Мужчины, мужчины! Это я до вас! — У калитки стояла модно одетая девушка с увесистой сумкой на плече. — А родители дома есть?

— Это она нам, что ли? — недоверчиво переспросил братьев Витя. — Это вы нам?!

— Вам, кому ж ещё? — шагнула девушка во двор. — Позови, будь ласка.

Витя пошёл за старшими, а Сергей с Владом принялись разглядывать гостью. Высокая, в яркой цветастой блузке и модной короткой джинсовой юбке — ничего так себе. Незнакомка с высоты своих каблуков бросила взгляд на хлопцев.

— Глазки сломаете, — с плохо скрываемой радостью от того, что произвела впечатление, протянула она.

На пороге появилась Лена.

— Добрый день. Что за панночка до нас?

— Добрый, — широко заулыбалась девушка. — Меня Светлана зовут, я фотограф. Хотите на цветную карточку запечатлеться?

— Ох! — засуетилась Лена. — Так это ж как же?.. Треба ж одеться как-то.

— Да вы не спешите, — успокоила её Светлана. — Я пока до соседей ваших пойду, а вы причепурьтесь. В той хате кто живёт?

— Юраковы живут, — ответила Лена. — Они дюже фотографироваться любят.

Через четверть часа осведомлённое о фотографе село стало доставать из сундуков всё самое лучшее. Отовсюду было слышно, как мужики поначалу напрочь отказываются позировать, но спустя несколько минут приходят со своими жинками к полному согласию, потому что... Да что тут объяснять доброму женатому украинцу про его жинку? Золотой она человек!..

— Юраков пусть в одну руку Одарку возьмёт, а в другую — щуку,— вышел во двор Аркадий.— Диду, где щука?

— Не бузи, Аркаша,— Олекса высунулся в окно хаты, обнаружив на себе рукава белой рубахи и праздничного пиджака.— Про щуку — то история давняя.

— Что — ещё кого-то поймал?

— Зараз расскажу.

— Ты, диду, людей не дюже смеши, карточка не получится,— предупредил Аркадий.— Лицо же серьёзное должно быть.

На пороге уже появились нарядные Лена и Лида и их мама Нина. Дед Иван, как его ни уговаривали, остался в неизменном пиджаке.

— Тату, да его ж ещё белые, когда отступали, бросили,— подтрунивал над отцом Сашко.— Там и погоны царские в кармане имеются.

— Тикай, дурень! — отмахнулся от языкастого сына Иван.

— Гриша! Ты жён собирай всех своих! — никак не мог угомониться Аркадий.— А что? Ты ж на свадьбах с каждой отдельно, а тут разом встанете — такой карточки ни у кого нема.

Олекса Юраков, словно жених, уселся во дворе возле хаты на один из двух приготовленных стульев.

— Как я, дочка? — уточнил Олекса у фотографа.

— Да очень хорошо, диду!

— Может, мне без жинки сфотографироваться? — обратился он за советом к Светлане.— Боюсь, Одарка кадр попортит.

— Да я вас умоляю, диду,— снова заулыбалась та.— Хотите — со своей жинкой, хотите — с чужой.

— Я тебе, как сфотографируемся, кадр попорчу,— уселась рядом Одарка.— А ты, дочка, на памятник карточку сразу можешь сделать?

— Да вы что?! — чуть не выронила фотоаппарат Светлана.— На что оно вам?

— Так чтобы два раза голову не морочить,— рассудительно предложила Одарка.— Ты как, дед, согласен?

— Ни в коем разе,— мотнул головой Юраков.— Я ж пока помирать соберусь, состарюсь ещё лет на двадцать.

— Ох, ты диви, намерял себе, — заворчала Одарка.

— Так вот, пока аппарат настраивают, был у меня случай на рыбалке, — поднял вверх палец Юраков. — Сижу, значит, рыбалю. Глядь, карп идёт.

— На тебя прямо? — перегнулся через забор Аркадий.

— Нет, чуть мимо проходит. Ну, я рассчитываю быстро в голове, куда он идёт. Вычисляю, что на тот берег выйдет.

— А если свернёт? — снова перебил Аркадий.

— Нет, там же течение, Аркаша!

— А-а, это другое дело.

— Разуваюсь мгновенно и через Раставицу вброд к тому берегу — р-раз!

— А течение?

— Не важно. Дохожу, жду — точно. Вот он, пришёл ко мне. Руками из воды достал, что характерно.

— Жаль, диду, — хлопнул себя по коленке слушавший всё это Сашко.

— Чего жаль, Саша?

— Что фотоаппарат звук не пишет. Придётся, как в древности, из уст в уста передавать.

— Передавай, Сашко, — согласился Юраков. — Только не наври там чего.

Светлана тем временем нацелила объектив на сестёр Лену и Лиду. Обе стояли, напрягшись, и не моргали.

— Да улыбнитесь уже, женщины, — попыталась расположить к себе объекты съёмки фотограф. — Это ж не ружьё.

— А то! — моргнув одним глазом, наконец улыбнулась Лена. — Гриша так своим жинкам и говорит, когда целится.

— Вот так, вот так! — Светлана тотчас приготовилась сделать кадр. — Стоп, ну чего опять?

— Подожди, — осадила фотографа Лена. — Лида, давай местами поменяемся, я с этого боку моложе получаюсь.

Очередь, наконец, дошла до четы Юраковых.

— Я вспышки дюже боюсь, — признался вдруг Олекса.

— Чего так? — уточнила Светлана.

— Случай был, молния в меня ударила,— снова поднял палец Юраков.

— И добре ударила, заметьте,— тоже поднял свой палец Сашко.

— Иду я, значит, по полю до мельницы,— держа на всякий случай палец, продолжил Олекса.— Глядь, гроза начинается. Думаю, до млына всё ж добегу. Побежал, и тут как толкнёт меня в плечо, и вспышка такая яркая, я глазами и ослеп. Дальше наощупь пошёл, руки вперёд выставил, пока в млын не упёрся.

— И что?— уже хором спросили Аркадий с Сашком.

— Что-что?! Два дня ничего не видел, потом отошло. Плечо, правда, с неделю болело.

— Вот это да! — всплеснула руками фотограф Светлана, и вокруг на секунду стало тихо.

— Вот брешет, а! Ну брешет, как у чёрта на духу! — повернулась к мужу Одарка.— Глазом не моргнёт. Садись в позу уже, молниеотвод!..

* * *

1939 год

«Живой,— открыв глаза, подумал отец Серафим.— Он меня не застрелил? Почему?»

Серафим осторожно повернул голову в сторону стрелявшего. Энкавэдэшник из Киева лежал на полу с простреленной головой в луже крови. У двери недвижимо сидели на полу два охранника. Рядом, неведомо откуда взявшийся, стоял человек в длинном чёрном плаще с накинутым на голову капюшоном и внимательно рассматривал мёртвое тело комиссара. Потом он повернулся и поглядел на священника, но лица его Серафим рассмотреть не мог.

— Кто вы?— прохрипел священник.

Незнакомец не ответил. Высвободив из плаща руку, он молча протянул Серафиму небольшую икону. Серафим машинально взял её и вдруг похолодел, увидев то, что напугало его сильнее смерти: у человека на руке было шесть пальцев! Запахнув плащ, человек развернулся и направился к двери. Через мгновение он

исчез. Только сейчас Серафим заметил, что револьвер остался в откинутой руке комиссара зажатым в кулаке.

— Прими, Господи, душу раба Твоего грешного,— прошептал отец Серафим, разглядывая икону, на которой было изображено усечение главы Иоанна Предтечи.— Как же это?

Серафим с трудом поднялся и вышел в ночь. Он вдохнул воздух, и будто сама божья благодать наполнила его всего без остатка, добравшись до потаённых мест в душе и сердце. Господь зачем-то оставил его ещё жить на этой грешной земле, словно Серафим не доделал здесь какое-то очень важное дело, без которого не сможет предстать перед Господом и отчитаться за свой земной путь. Он вернулся и, перекрестившись, начал снимать одежду с одного из убитых энкавэдэшников. Спустя четверть часа священник уже шёл напрямик через поле, считая всё случившееся божьим промыслом, и внутри у него появилось странное, необъяснимое чувство, будто он теперь точно знает всё, что случится впереди, будто кто-то неведомый начертал в темноте путь, по которому Серафиму суждено идти.

— Так и будет, Серафим,— послышался голос.

Священник вздрогнул и обернулся.

Вокруг никого не было. Серафим встал на колени и начал читать молитву...

* * *

После обеда из Киева приехал Василь и сразу взял в руки любимую гармонь. Он начал перебирать клавиши, уставившись в одну точку, не замечая никого и ничего вокруг.

— Вася, обедать будешь? — окликнула было его Лена.

Василь, не мигая, лишь чуть мотнул головой, выражая намерение удовлетвориться духовной пищей, и раздвинул меха. Гармошка вдохнула и замерла, набираясь духу к двух-трёхчасовому марафону.

— Зараз спивать будем,— тоном, не допускающим возражения, объявил музыкант.— Кто не будет — обижусь страшно и не прощу.

На самом деле Василю не важно, кто будет петь, а кто мычать себе под нос, хотя считается, что каждый украинец умеет петь от рождения, и по этому факту можно даже определить национальность человека. Васе и слушатель-то нужен лишь для начала, а потом они всегда остаются вдвоём — Василь и гармонь. И пусть кто-то пытается петь другую песню, а кто-то предлагает остановиться и выпить — гармонь в эти минуты живёт своей жизнью, и подчиняющийся ей музыкант не слышит ничего, кроме музыки.

Василь свёл руки, гармонь на выдохе разразилась первыми аккордами «Спят курганы тёмные», и жена Катя, сёстры Лена и Лида уверенно подхватили мотив и слова. Василь играл душевно, местами отчаянно, ловя на лету ноты. Мотив выходил кое-где рваный, но женское трио из прекрасных, подаренных их обладательницам самой природой голосов уже звенело на всю улицу. Саратовская гармошка брала за душу, и подошедшие братья забыли о своих страхах и заслушались.

— Василь, порвёшь, ей-богу порвёшь! — пытался продраться сквозь песню со своими шутками Аркадий.

— Тикай! — отмахнулся от брата музыкант.

С самозабвенного лица Василя можно было в эту минуту писать картину. С улицы подтянулись Юраковы и другие соседи. Последним появился у забора временно холостой Гриша, виновато здороваясь и улыбаясь.

— О, ты без ружья сегодня, Гриша? — вцепился в него Аркадий.

— Отцепись ты, видишь, человек переживает, — вступился за односельчанина Сашко. — Не лезьте до него.

— Так ты ему грехи отпусти, он и возрадуется снова, — всё же съехидничал Аркадий.

— Тихо! — остановил гармонь Василь. — Или пойте, или идите в огород, не мешайте. Гриша, я тебя, конечно, уважаю, но если меня сильно разозлят, я за ружьё никогда не вспоминаю. Да, Катя?

— Вспоминаешь, вспоминаешь, — негромко заметила жена. — Пой давай.

— Не бреши, Катя, — снова раздвинул меха муж.

По улице уже разливались украинские песни. Кто-то пошёл в пляс, хлопцы повеселели, глядя на весь этот неожиданно созданный дядей Васей праздник. Вдалеке вдруг показался дед Тихон. Он шёл мимо, казалось, совсем не замечая весёлой компании. Братья проводили его взглядом и стали переглядываться. Тихон тем временем, на мгновение обернувшись, словно поймав на себе взгляды хлопцев, скрылся за поворотом.

— Он что-то знает, — шепнул Влад Сергею.

— Да, точно знает, — согласился старший…

Вечер накрыл село быстро. В небе над старым храмом повисла туча, закрывая закат, и темнота наступила раньше обычного. Поднялся сильный ветер, гремя крышами, сгоняя птиц с насиженных на ночлег мест. Они теперь беспокойно и низко кружились в тяжёлом небе, не дававшем им подняться выше. Братьев всё это наводило на нехорошие мысли. Вот именно в такую погоду нечисть получает власть над всем миром, выходя из своих тайных мест, где скрывается до поры до времени, а к ночи, собравшись вместе, ходит по домам, бесчинствуя в сараях и хлевах, заглядывая в кроватки маленьких детей, пугая их неведомым.

Братья так и не нашли удобного случая открыться взрослым, зато, как и планировали, запаслись старыми ржавыми серпами, а под самую ночь Сергей умудрился незаметно умыкнуть у деда Ивана топор. Со всем этим вооружением они поднялись на сеновал и заняли оборону. Серпы вскоре были воткнуты в щели между досками у входа, а топор Сергей, как старший, положил рядом с собой.

— Как полезет, вы серпы хватаете, я топор, дверь открываем и бьём нечистого, — довёл до братьев план битвы Сергей. — Всё ясно?

— Да, — хором подтвердили Влад и Витя.

Если теоретически всё получалось складно, то на практике бить по башке нечистой силе в Таборове ещё никому не приходилось. Братья договорились не спать вообще и к полуночи застыли на сеновале.

— Что-то хлопцев не слыхать сегодня,— удивился вышедший с Сашком и Василём покурить во двор Аркадий.— Спят, что ли, набегались?

— Пусть спят,— озираясь вокруг, сказал Василь.— В селе про какого-то чёрного человека байки плетут. Я никого не видел, а вы?

— Предрассудки это,— философски заметил Сашко.— Всему есть объяснение обязательно.

— Это ты как учёный или как поп сейчас говоришь? — заулыбался Василь.

— Участковый до нашего тату приходил,— не обратил внимания на шутку брата Сашко.— Может, банда в селе объявилась?

— Наших бабок грабят? — усмехнулся Аркадий.— Последнее унесут.

— Надо в Раду написать, чтобы церковь эту снесли вместе с чертями,— предложил Вася.— Я сам разберусь, участковый наш не соображает.

— Каке твоё дело? В милиции разберутся,— перебил его Аркадий.

Аркадий в очередной раз напутал с украинским, и братья захохотали.

— Аркадий, ты вот украинский забыл, а русский не выучил, правда? — спросил Сашко.— Но всё понимаешь, что характерно.

— Отцепись! — разозлился на самого себя Аркадий.

— Ты Юракова переводчиком возьми,— раскатисто залился смехом Василь.— Друг друга переводить будете!

— Айда выпьем! — предложил Сашко.

Спустя минуту братья, усевшись на кухне, разлили по чаркам остатки юраковской горилки. Василь взял свою чарку и замер с глубокомысленным видом.

— Хорошо, что войны нема,— сказал он.— Вот Аркадий её видел, а мы, Сашко, нет. Без войны совсем теперь хорошо.

— Войны больше не будет,— сказал, как отрезал, Аркадий.— Кто ж на нас полезет?

— Если только между собой не передерёмся,— на всякий случай заметил младший Сашко.

— Кто? С кем? Ты чего болтаешь?! — повысил голос на правах старшего Аркадий. — Да ни в жизнь такого не случится.

— Не зарекайся, брат,— покачал головой младший и вдруг очнулся от раздумий.— Но мы-то всё равно вместе, а? Между нами-то что может случиться? Всё равно вот так сядем, выпьем и всё решим, так ведь?

— Василь, пей уже! — прикрикнул Аркадий.

Василь, не моргнув глазом, продолжал глядеть куда-то в чёрное таборовское небо, словно пытаясь отыскать там ответы на все вопросы. Чарка чуть наклонилась, и горилка вот-вот была готова политься вместо рта Василя на пол хаты.

— Ну, за Васильков! — прозвучал его привычный тост со смыслом, напоминавший Василю город, где он когда-то работал, так удачно совпавший с его именем.

Аркадий с Сашком давно опрокинули рюмки, а Василь всё ещё о чём-то раздумывал, пока, наконец, не поднёс чарку ко рту и не потянул её медленно и со вкусом.

Хлопцы, лёжа, слушали разговоры старших и думали, что нечистый ждёт не дождётся, когда те улягутся. Сон скоро сморил всех троих, и они засопели, позабыв про уговор, про чёрного человека, про приготовленный топор, видя свои загадочные мальчишеские сны…

Наутро обнаружилось, что со двора пропал старый лошадиный хомут. Он давно никому не был нужен, но тот факт, что кто-то шастает ночами по Таборову, наводил на тревожные мысли. Пока старшие рассуждали, вызывать ли по этому поводу участкового или нет, проснувшихся хлопцев отправили за хлебом в магазин в соседнее Долицкое. Братья шли быстро, на всякий случай оглядываясь, не идёт ли кто за ними, и не заметили, как оказались у хаты Тихона.

— Зайдём по традиции? — спросил Витя. — Водички выпить.

Дверь была открыта настежь, значит, хозяин дома. Братья заглянули в комнату и обомлели: дед Тихон лежал на полу возле стола и не шевелился. Парни подскочили к Тихону, и тот застонал — живой! Только теперь Влад первым заметил, что голова хозяина в кро-

ви. Кровь стекала тонкой струйкой по морщинистому лицу Тихона. Вокруг шеи кто-то словно нарочно провёл широкую кровавую линию, и Владу в какой-то момент показалось, что голова Тихона отделена от тела — совсем как на той иконе у Иоанна Предтечи.

— Диду, вы живы? Кто вас так? — пытался привести его в чувство Сергей. — Кто здесь был?

Тихон открыл глаза и указал взглядом на стену. Братья повернули головы: иконы на месте не было.

— Забрал он её всё-таки, — голова Тихона безжизненно откинулась назад, но в следующую секунду он вдруг уверенно сел, стянул с кровати простыню и начал стирать кровь с лица. — Нука, хлопцы, помогите.

Братья приподняли деда, и он, повернувшись к образам, начал шептать молитву...

Олекса Юраков явился в хату Ивана к обеду с весьма загадочным выражением лица. Поскольку таким его Иван никогда не видел, то испугался за товарища не на шутку.

— Ты чего? Одарка померла? — постарался задать наводящий вопрос Иван. — Или аппарат сломался?

— Нет, Ваня, у меня проблема другого характера, — заговорил Олекса.

— Уже добре, что говорить можешь, — выдохнул хозяин. — Погоди, ты пьяный, что ли?

— Я к соседу пришёл, а не к гаишнику, — попытался обидеться Юраков.

— Не мудри, Олекса, — посуровел Иван.

— Сейчас размудрю, думаю, с чего начать.

— Чую, пока не выпьешь, не начнёшь, — Иван начал вспоминать, куда сховал в последний раз горилку.

— Хочу участковому взятку дать, — выпалил вдруг Юраков.

— Чего? — замерло всё двухметровое тело Ивана, потянувшегося к тайнику. — Зачем ему взятка?

— Не понимаешь? — разозлился Олекса. — Он не дурак, про аппарат догадался, когда приходил, только виду не подал. Значит, взятку ждёт.

— Сколько ж ты ему дашь в литрах? — уточнил Иван.

— Да грошами отдать хочу, но не знаю как, — с озабоченным видом уселся за стол Юраков. — Слухай, Аркадий же у тебя в милиции служит, так ты спроси у него, как лучше это дело организовать.

— А ты почём знаешь, что у них там в России взятки берут? — уточнил Иван. — Может, там уже отменили.

— То есть как это отменили? — удивился Олекса. — Не может такого быть, чтоб в Украине осталось, а там отменили.

— Ну да, — согласился Иван. — Страна-то одна, значит, взятки одни. Без горилки всё одно не разберёмся, Олекса.

Спустя десять минут, что по среднему таборовскому времени составляет три чарки, Иван позвал вернувшегося с рыбалки Аркадия.

— Ты Руслана участкового знаешь? — спросил Иван.

— Ну, видел раз, — пожал плечами Аркадий.

Иван начинал, как всегда, издалека, но потом, словно пройдя всю длину разговора своими огромными ногами, тут же оказывался у самой сути.

— Как ему взятку дать? — рубанул батько и чуть было не свалил Аркадия с одной-единственной его ноги на пол хаты.

— Какую взятку, тату? — опешил сын.

— Ну обычную, — пояснил Иван. — Да не я — то Олекса хочет, чтоб Одарка не овдовела.

— Чего?! — гаркнул Аркадий.

— Может, в тряпочку завернуть и в карман положить ему? — заподозрив неладное в такой реакции сына, всё же предложил батько. — Ну не в кобуру же?

— В тряпочку?! — как-то недобро переспросил Аркадий.

— Оно лучше, конечно, в конверте, так конверта ж нема, — с сожалением в голосе констатировал Юраков. — Что, в тряпочке может и не взять, да, Аркаша?..

— Чую я, как-то у них в России по-другому это делается, — намекнул Юракову, почесав затылок, Иван, когда они снова остались вдвоём. — Видишь, какой он сердитый на своей палке ускакал?

— Участковый ещё молодой,— задумался подвыпивший Олекса.— Много давать не надо, вопрос — сколько. Расценок, конечно, нема, но чтоб не наглел потом.

— А не давай ему ничего,— махнув рукой, твёрдо сказал Иван и опять налил.— Тут, если что, всем Таборовом на взятку скидываться надо, чтоб традицию не ломать...

Одарка тем временем уже полчаса сидела на лавочке вместе с Ниной.

— Завтра хочу поехать,— сказала Одарка.— Без Олексы сама выберу всё и гроши заплачу. Надо только подумать, где сховать этот гроб до времени.

— Да бог с тобой, соседка! — охнув, перекрестилась Нина.— Ты чего это удумала?

— Нет, Нина,— покачала головой Одарка.— Я как этого чёрного увидела, сразу поняла — пришло моё время. За мной он приходил.

— Сплюнь! — рассердилась Нина.— Ты войну вспомни — и то живыми Господь оставил. Не гневи ты мыслями Бога! Уймись!

— Пусть готово всё будет,— упорствовала Одарка.— Олекса сам толком-то ничего не сделает, только напьётся, нехристь. Храма вот нет и батюшки — отпевать некому будет.

— Ой, накличешь ты беду, Одарушка,— вздохнула Нина.— После того сколько лет живём. Получается, тогда, в сорок третьем, сам Господь приходил...

* * *

1943 год

Немец отступал. Точнее, бежал. Куда-то в этот морозный зимний день разом подевались спесивые вальяжные полицаи, повсюду в страшной суматохе бегали офицеры и солдаты. На хладнокровных доселе лицах арийцев проступил страх. Страх был бесцветным, с холодными струйками пота, с выпученными

глазами и застревающим в горле криком. Грохнуло где-то совсем рядом.

— Наши близко,— шепнула Нине прибежавшая во двор Одарка.— Говорят, Белую Церковь заняли ночью. Ваш-то фельдфебель тут ещё?

— Как всё началось, убежал куда-то с утра,— пожала плечами Нина.

На улицу с края села выехали грузовик и несколько мотоциклов с автоматчиками. Шедшие следом солдаты начали забегать во дворы и выгонять на улицу полураздетых людей. Всех выстраивали между грузовиком и мотоциклистами и гнали по улице.

— Чего это они удумали, Одарка? — успела сказать Нина.— Я — к детям и ты давай к хате.

Нина вбежала в хату. Младшие, как ни в чём не бывало, играли на полу, старший, Виталь, был где-то в сарае рядом с лошадью. Нина заметалась, чуя какую-то беду, не зная, что ей делать. В ту же секунду в сени влетел Густав.

Он оглядел всех каким-то жутким взглядом и расстегнул кобуру.

— Шнель! — заорал он, направив на Нину свой «вальтер».— Шнель!

— Чего ты, куда?! — упала на колени женщина.— Детишек не тронь!

— Шнель! Погреб давай! — Густав подскочил к крышке подпола и дернул кольцо.— Вниз, шнель!

Не помня себя от страха, Нина схватила в охапку детей и начала по одному опускать их в черноту подпола. Ничего не понимавшие Аркадий, Лена и Лида испуганно глядели на мать, боясь, что она закроет их и уйдёт, бросит, оставит их там навсегда. Густав то и дело высовывался в окно и снова начинал нервно ходить с пистолетом по комнате в своих запотевших очках. Взрывы и стрельба были совсем рядом. Нине на мгновение подумалось, что вот-вот её Иван войдёт с автоматом во двор. Она полезла последней и поглядела на фельдфебеля. Он

стоял бледный, уголки его рта беспрерывно подёргивались. Густав не сводил с Нины глаз, и она вдруг подняла руку и перекрестила его.

— Храни тебя Господь.

— И ты меня лихом не помнить, — закивал в ответ Густав и аккуратно опустил крышку. Наступила темнота.

Наверху всё взрывалось, стреляло, кричало. Немецкий язык за эти два года Нина уже научилась понимать, и по обрывкам фраз ей стало ясно, что наши скоро войдут в село. Прошёл час, немецкая речь звучала всё дальше, а потом стало совсем тихо. Нина прислушалась.

— Проверить по всем хатам! Соболев, Дворников, вы на ту сторону! — раздалось откуда-то со двора. — Тут никого, что ли?..

Ещё через четверть часа Нина, с трудом откинув крышку, вылезла наружу. Следом появились перепуганные дети, не зная, то ли бояться новых военных, то ли радоваться им. Нина поглядела на хату Одарки. Вокруг были одни красноармейцы, по улице ехали грузовики, тащившие пушки. Одарка появилась откуда-то с другой стороны — в расстёгнутой фуфайке, без платка, с распущенными волосами и страшным белым лицом, ведя обоих своих деток. Она прошла мимо, не глядя на Нину.

— Одарушка, ты что? — шагнула к ней подруга.

— Маму и брата сожгли, — отшатнувшись, спокойно и будто даже равнодушно сказала Одарка. — Много там сожгли.

Над Таборовом стоял чёрный дым, он поднимался над домами, загораживая небо. Душ, летящих в зимнее голубое небо, отсюда не было видно, но чудом выжившие и смотревшие вверх люди, среди которых была и Нина, точно знали, что они летят и машут им руками, ставшими крыльями. Вскоре выяснилось, что через село отступали эсэсовцы. Это они приказали загнать всех в церковь и поджечь...

* * *

— Одарка, Одарушка! — донеслось из Ивановой хаты. — Помираю!

Нина смахнула воспоминания. Соседка уже вбежала в хату.

— Ой, Господи! Олекса, что с тобой?! — донесся оттуда её крик.

Олексе заплохело прямо в этот яркий солнечный день, когда он выходил от Ивана. Он почувствовал, как какая-то невидимая сила наступила ему, упавшему на пол в сенях, на грудь сапогом. Олекса, как ни силился, не мог стряхнуть этот сапог. Он хрипел, но голос не хотел вырываться из горла, а в глазах потемнело. Юраков много раз представлял свою смерть, читал про неё в книжках, но она пришла совсем не похожей на всё то, про что Олекса знал и думал. Что-то тяжёлое и вязкое нависло над ним, не давая дышать, стуча в уши, давя на веки. Он собрался с последними силами, и крик всё же прорвал это висящую свинцовую тучу.

— Одарка!..

Скоро в хате уже толпились люди. Кто-то побежал звонить в больницу. Иван приподнял друга и держал его голову на коленях. Одарка страшно причитала, за что-то беспрерывно себя кляня.

— Ой, накликала сама беду в хату, дура я! — раскачивалась она, сидя на скамье. — Собралась, а Господь не меня — его прибрать хочет! Простите меня за грех, люди добрые!

Вскоре приехавший фельдшер повёз Юракова в Сквиру, а Одарке сказал, чтоб приезжала завтра — всё уже будет понятно.

Нина вышла из хаты проводить Юракова и увидела, как по дороге навстречу ей с другой стороны бегут внуки с испуганными лицами. Баба Нина вздрогнула: на какое-то мгновение ей представилось, что снова началась война, что вслед за напуганными внуками (как когда-то за её детьми) в село идут немцы.

— Вы чего?! — затрепетало всё внутри у неё. — Что стряслось?!

— С дедом Тихоном беда случилась, — ответил за всех старший, Сергей. — Напал на него кто-то страшный.

Нина бросилась к Ивану.

— Что ж такое робится? Олексу с сердцем в лекарню повезли, теперь ещё и с Тихоном беда, — села она возле мужа. — Знала, что всё это добром не кончится.

— Вот оно что, — резко поднялся Иван. — Олексе — как Бог ваш даст теперь. А Тихон... Ох, Тихон, Тихон...

Таборов, до поры до времени испуганно шептавшийся по дворам о поселившейся здесь нечистой силе, теперь гудел не таясь. Люди вовсю обсуждали неизвестного человека в чёрном, невесть откуда появлявшегося и так же неожиданно исчезавшего. Снова вспомнили о заброшенной церкви и бесследно пропавшем много лет назад батюшке. Ходивший от дома к дому участковый так ничего толком и не смог выяснить. Как выглядел чёрный человек, описать никто не мог, разве что Одарка божилась милиционеру, что это был не иначе как сам сатана с шестью пальцами на руке.

— Может, лицо хоть рассмотрели? — допытывался у неё участковый. — Ну или хромал он, к примеру?

— Хромал? — переспросила Одарка. — Да нет. У нас только Аркадий без ноги хромает. Но я-то тогда ночью не видала. А он что, хромает?! Батюшки, так это Аркадий, что ли?! Они ж все у Ивана безбожники.

Участковый Руслан закатил глаза и беспомощно опустил руку, державшую авторучку.

— Чего ж мне в район докладывать? — начал сокрушаться он, сидя на лавочке у дома деда Юракова. — На человека бандиты напали, а все о бесах твердят, о чёрном призраке. Бесовщина сплошная!

— Вы, товарищ начальник, подождите, — появился, откуда ни возьмись, разведённый Гриша. — Зараз до Ивана его сын Сашко приехал. А он по дьявольским делам специалист ещё тот. Так вы б до него обратились.

— И вы туда же, — махнул рукой участковый.

Самого Тихона увезли в лекарню следом за Юраковым. В Сквире пришедший в палату следователь принялся было расспрашивать его о том, что случилось, но Тихон молчал. Заявление он писать отказался и поздно вечером сам вернулся с перевязанной головой в Таборов. Войдя в хату, Тихон поискал рукой выключатель и щёлкнул тумблером.

— Вернулся? Ну проходь, — Иван сидел за круглым столом. — Третий час тебя дожидаюсь, отец Серафим…

* * *

1939 год

Серафим шёл, не разбирая пути, и к утру вышел к Попельне. На железнодорожной станции он сел на первый же поезд, идущий в сторону Киева. Священник решил, что доберётся до Киево-Печерской лавры и попросит братьев спрятать его до поры. Серафим раскрыл небольшой саквояж, купленный им здесь же, на станции, в торговом ряду, и украдкой размотал тряпицу. С иконы на него по-прежнему глядела голова страстотерпца, и Серафим так же тайком осенил себя крестным знамением.

Сон незаметно сморил молодого батюшку, и он увидел, что стоит на высоком таборовском яру и глядит вдаль. Ему было очень хорошо и спокойно, но летний солнечный день неожиданно сменился налетевшими тучами. Всё вокруг стало тёмно-серым, одна из туч вдруг закружилась смерчем, который опустился до земли у самых ног Серафима, и откуда-то сразу со всех сторон загремел голос:

— Береги и берегись… Что имеешь отныне, твоё не навсегда… В сороковое лето будешь молиться…

Поезд дёрнулся, и Серафим очнулся ото сна. За окном навстречу бежали подсолнухи, мелькали то и дело приземистые белые хаты и высокие стройные каштаны.

— Береги и берегись…— повторил священник.— Береги и берегись. Как понять?

Ещё спустя два часа Серафим сошёл с поезда в Киеве, документы у человека в форме НКВД никто не спрашивал, и он скоро затерялся в толпе таких же, как сам, спешащих и идущих неторопливо по своим, одним им ведомым делам…

* * *

— Я, Тихон, или как там тебя, хоть и не душеприказчик, но давай всё как на духу,— закурил папиросу Иван.— Не без тебя в селе дела нехорошие пошли. То ли поп ты, то ли уже не поп — неясно. От кого сховаться здесь решил или от чего?

Лампадка затрепетала под образами, будто кто-то третий, невидимый, появился в комнате. Серафим повернул голову и снова посмотрел на то место, где висела икона Иоанна Предтечи.

— Как Богу служил сорок лет назад, так и служу,— тихо сказал он.

— Ты поглянь, не разжаловали, значит, из батюшек? На секретной службе, что ли, отец Серафим?

— Можно и так сказать,— сел за стол напротив Ивана священник.— А ты, выходит, всё знал, да не выдал. Отчего?

— Смешной ты, отец Серафим,— затянулся папироской Иван.— Нина моя, когда ты в Таборов через двадцать лет вернулся, тебя сразу признала, потому как с молодости в церковь шастала. Их на той твоей службе единственной восемь человек было. Кого война унесла, кто после помер, кто уехал. Нина одна тебя и помнит. Да и я помню, как мы с тобой от немца по полю до леса бежали. А ты думал, не узнаю?

— Вон оно как?! — обхватил голову руками хозяин.— Видать, судьба нам с тобой была. Объяснить тебе всё? Так ты ж неверующий. А без веры тут понять невозможно.

— А ты попробуй, давай,— затянулся папироской Иван.— Расскажи, кто тебя так приложил, чего в церкви по ночам делаешь, чего внуки мои к тебе через то ходят? Человек этот чёрный откуда взялся? Чего ты задумал, Тихон?

— Должок у меня здесь остался, Иван,— ответил тот.— И никак его не отмолить до конца дней моих.

Лампадка затрещала и начала коптить. Ночь опускалась на село, а Иван с Тихоном всё говорили и говорили...

— Ну какой дьявол, Тихон?! Ты о чём?! — хлопнул Иван по столу.— То, что немец тогда людей в храме сжёг,— это да. И храм чудом каким-то устоял, не сгорел. Так сколько лет прошло!

— Души их не отмолены, Иван, пойми,— негромко возразил Серафим.— Мною не отмолены. Сбежал ведь я, а им покоя нет. Кроме меня отмолить в этом храме некому. Оттого и нечистый бродит...

— Так не сбежал бы — убили бы тебя. Сколько лет себя винишь, отец Серафим,— покачал головой Иван.— Нет твоей вины, точно тебе говорю.

— Говорю же, без веры тебе не понять, я сам должен.

— А хлопцы мои тогда на что?

— Господи! — вскочил священник.— Чего же я сижу?! Я ж ведь... Эх!

Он стремглав выскочил из комнаты, и Иван, едва разогнувшись, рванул следом так, как бегал когда-то давным-давно...

Стемнело. Сергей смотрел сверху сквозь дверные щели во двор.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Влад.— Улеглись?

— Вроде да,— шепнул старший.— Свет потушили. Собираемся.

Братья осторожно спустились с сеновала и направились к храму. Беспросветную мглу разрезал луч фонарика. Хлопцы шли быстро, оглядываясь, ожидая, что чёрный человек вот-вот появится рядом. Но никого не было, и до места оставалось метров двести. Они уже свернули на едва заметную в темноте тропинку, ведущую к храму. Неожиданно огромная луна вышла из-за туч, и старая церковь словно поднялась из тьмы, нависая надо всем земным. Братья вздрогнули и застыли, с ужасом рассматривая эту картину. Сейчас церковь казалась ещё страшнее и загадочнее, и в памяти разом всплыли все таборовские рассказы о нечисти. Братья попятились.

— Нет, мы деду Тихону обещали,— уверенно сказал Витя.

— Пошли тогда, что ли? — поглядел на братьев Влад.— Только если что, я ни креститься, ни молиться не умею.

— Дед Тихон сказал же, что нам рядом надо быть,— успокоил его Сергей.

— А этот чёрный тоже объявится? — поёжился Влад.

— Дед Тихон сказал, что сами всё увидим и поймём, что к чему,— пообещал Витя.

Хлопцы уже были возле церкви, где их должен был ждать Тихон. Никого не было, и все трое остановились в нерешительности.

— Ждать будем? — спросил братьев Влад.

— Не знаю,— пожал плечами Сергей.— Может, сами попробуем? А ну пошли.

Братья подошли к уже знакомому окну и отодвинули доску. Фонарный луч скользнул внутрь, белое пятно легло на пол храма, поползло по стене и остановилось где-то под сводами потолка. Через минуту все трое были уже там. Хлопцы двинулись вперёд, и старые доски предательски заскрипели под ногами. Пройдя несколько шагов, они завернули за угол, откуда им должен был открыться вид на алтарь, и оцепенели: у алтаря в свете зажжённых свечей спиной к ним неподвижно стоял тот самый чёрный человек в накинутом на голову капюшоне! Казалось, он не заметил, что кто-то появился за его спиной, и братья перестали дышать от страха. Свечное пламя горело ровно, будто и от самого чёрного человека не исходило дыхания. Но в следующее мгновение тот вдруг поднял вверх руку, и к ужасу братьев на ней оказалось шесть пальцев!

— Чур меня, чур!.. — закричал что было силы Витя и тут же забыл всё, что знал из молитв и рассказов бабы Нины о том, как гнать нечистую силу.

Человек резко обернулся, и в ту же секунду откуда-то с другой стороны в храм вбежали дед Тихон с дедом Иваном. Тихон держал в руке большой фонарь.

— А ну стой! — крикнул Иван, и в его руках обнаружилось увесистое коромысло, с которым Нина когда-то ходила по воду. — Я во всякую нечисть не верю, так что не обессудь, чёрт, если башку отшибу, да и коромысло у меня освящённое! Хлопцы, а ну геть отсюда в сторонку!

В Иване вдруг проснулась былая, уже подзабытая им сила. Он распрямился и двинулся к неизвестному с коромыслом наперевес. Тихон пошёл следом, выставив впереди себя большой крест, который он держал обеими руками. Они окружили чёрного человека с обеих сторон, так что бежать тому было некуда. Человек неожиданно опустился на колени и склонил голову, будто ожидая удара. Иван, никак не готовый к такому развитию событий, не знал, что делать дальше. В церкви воцарилась тишина. Человек поднял голову и скинул капюшон. Перед ним на коленях стоял уже старый человек с седой головой в круглых старомод-

ных очках с толстыми линзами. Он начал что-то быстро и непонятно шептать. Иван вслушался, но смог разобрать лишь пару знакомых с войны слов.

— Майн готт...

— Господи, да ты немец, что ли? — опустил коромысло Иван. — Это как же?..

— Не убивай, Иван, — посмотрел на него тот. — Я Густав...

Через минуту в церкви было светло, как днём. С фонарём в одной руке и с ружьём в другой в храм вбежал Василь, а следом за ним Сашко, на всякий случай всё ж таки с крестом на шее, с тем самым, которым венчал пять лет назад в Таборове молодых. Последним появился Аркадий, страшно размахивая палкой, будто отгоняя собравшуюся возле него нечистую силу.

— Что это за чёрт?! — приблизился к чёрному человеку Аркадий. — А ну ведите его в милицию!

— Да здесь уже я, — отозвался участковый Руслан. — Подождите вы все, разобраться надо.

— Рассказывай, Густав, всё рассказывай, — тяжело присел у стены отец Серафим. — Я и сам расскажу.

— Так они вдвоём, что ли, всю эту бесовщину развели? — не убирая ружья, спросил Василь. — Что это за Густав? Тату, вы его знаете?

— Получается, что знаю, — присел рядом с батюшкой Иван. — Немчуру уж тридцать пять годков как выкурили, а он, глянь, вернулся. По местам боевой славы пройтись решил?

— Да чего тут рассуждать? В отделение их обоих везти, — напирал Аркадий.

— Подожди! — оборвал брата Василь. — Пусть расскажут сначала всё.

Густав молча обводил всех виноватым взглядом, словно в поисках кого-то, кто мог его спасти. Все притихли, видя живого немца, много лет назад хозяйничавшего в их селе. Но войны не было, и человек в чёрном плаще с капюшоном, назвавший себя Густавом, был теперь обычным подданным своей Германии.

— А если он военный преступник? — снова спросил Аркадий. — Если это он людей в этой самой церкви сжигал?

— Да какой он преступник, Аркаша? — сказал вдруг Иван. — Он жизнь тебе спас, только ты этого не помнишь...

— Я в этом храме настоятелем служил, до войны это было, — отец Серафим всё рассказывал и рассказывал свою длинную историю. — Один разок только и успел отслужить, а вышло, что на всю жизнь к храму этому привязан. Это же дьявол меня в том НКВД от смерти спас и к себе прибрал за грехи мои. Господь должен был забрать, а нечистый тут как тут оказался. А потом столько людей здесь сгорело — мой это грех, я тут один должен был быть. Архиепископу я покаялся тогда в Киево-Печерской лавре, всё про это на духу рассказал, вот он мне послушание сюда и определил.

— О майн готт, — едва слышно прошептал Густав, про которого все как-то на время забыли.

— А этот? Он как сюда к нам? — кивнул на немца Сашко.

— Пару недель назад я, как всегда, в храм пришёл на всенощную, а он сзади на меня набросился. Кричит что-то по-своему: сатана, мол! Я-то тоже решил, что сам дьявол ко мне спустя сорок лет снова явился в том же плаще. В общем, поборолись мы с ним, чуть не поубивали друг дружку, а уж потом всё выяснилось.

— Я-я, — закивал Густав.

— Что «я-я»?! — взявшись за коромысло, поглядел на Густава Иван, отчего тот отполз чуть назад. — Чего за маскарад устроил? Всё село всполошил! В хату ко мне чего лазал? Вот подстрелил бы тебя мой Василь — одним немчурой больше, одним меньше.

— Это поверье дома у нас! — вдруг жарко зашептал Густав. — Чтобы прогнать дьявол, надо надеть шкура дьявол! Я притворяться он, чтобы запутать! Он сейчас где-то здесь. Моя вина тоже есть, что тут случилось, но я больше ничего не мог... Я приходил ночью на сеновал смотреть, что киндер в порядке, они тоже приходить сюда...

Все обернулись и посмотрели на хлопцев, молча стоявших с ничего не понимающими лицами. Густав встал на колени и на-

чал читать какую-то молитву. Фонарный свет, соединяясь с горящими у алтаря свечами, создавал совершенно фантастическую картину потустороннего мира. На стенах храма лежали длинные тени. Участковый Руслан повернул голову и увидел свою тень. Тень была почему-то совсем не похожа на него, а голова вместе с фуражкой оказалась большой и круглой. Милиционер, поёжившись, незаметно на всякий случай стащил фуражку с головы.

— Я его в своей хате приютил, он себя, вишь, тоже виноватым считает,— сказал Серафим.— Грехи чужие вернулся замолить. Как откажешь? А вчера днём говорит мне: я один, дескать, ночью пойду, и дьявол за мной точно придёт и за спиной встанет. Ну, я его схватил: не пущу, мол. А он меня оттолкнул, икону со стены взял — и бегом из хаты.

— Я этот дьявол видеть тут в сорок третьем,— подтвердил Густав.— Он рядом стоять, когда людей сожгли… Весь чёрный, на руке шесть палец!

— Врёшь ты всё! — стукнул в сердцах кулаком по стене Иван.— Не дьявол людей сжигал, а вы, сукины дети! Кто вас сюда звал?! Что, помирать скоро, решил о душе вспомнить? Так всё одно прокляты там будете, если верите!

— Прости меня, Иван,— опустил, как на плаху, голову немец.

— Ладно,— выдохнул тот.— Ты мою семью сберёг, выходит, должник я твой, что ли. Если что, Нина свидетелем за тебя пойдёт.

— Ну вы даёте,— раздался, наконец, голос молодого участкового.— Что делать, ума не приложу! Вроде и преступления никакого нет.

— Как нет? А хомут кто со двора спёр? — вспомнил Сашко.— Кто из вас двоих грех на душу взял?

— Да Бог с тобой, Александр,— перекрестился Серафим.— Какой хомут?

— Это я брать,— снова заговорил Густав.

— На кой хрен? — снова берясь за коромысло, уточнил Иван.

— Дьявол на шею надеть,— удивился непонятливости хозяина немец.

Напряжение неожиданно спало в один миг, и все по очереди, сначала тихонько, а потом всё громче начали хохотать. Густав непонимающе обводил всех взглядом и тоже опасливо засмеялся.

— Один попом рядился, другой — чёртом. Это я не про тебя, Сашко! — то ли ещё злился, то ли уже пытался шутить Василь. — И, что характерно, батюшка и чёрт под одной крышей! Как нашим бабкам после этого с верой быть?

— А я думал, что с дьяволом это Юраков чудит, — совсем успокоился Аркадий. — Юмор такой дурацкий!

Все потянулись к выходу, решив, что во всей этой ситуации пусть разбирается власть, то бишь участковый Руслан. Отец Серафим затушил свечи и вместе с Густавом тоже вышел в ночь. Они так и остались стоять вдвоём, глядя на церковь, каждый вспоминая о своём.

— Ты домой возвращайся теперь, — посоветовал немцу священник. — Считай, что грехи отмолил, а я уж сам тут как-нибудь дальше. Если храм не снесут конечно.

— Серафим, а ты думаешь, что дьявол нет? — спросил Густав.

— Ежели Бог есть, то и дьявол обязательно, — уверенно ответил священник. — Им друг без друга нельзя. Это как день и ночь, понимаешь?

— И Бог никогда его не победит?

— Если всё зло исчезнет, то Бог людям не нужен станет, прости меня, Господи, — продолжал богохульствовать отец Серафим. — А такого никогда не будет, не может такого быть. Душа в человеке жива, пока в ней Господь с сатаной борются. Есть они там оба.

— И у тебя есть? — с опаской спросил Густав.

— И у тебя тоже есть, — окончательно вышел из оцепенения Серафим. — Пошли отдыхать...

Хлопцам в эту ночь не спалось. Событий случилось так много, что сон как рукой сняло, и они наперебой обсуждали все детали произошедшего в храме, удивлялись, как чёрный человек смог так всех запутать, оставаясь при этом непойманным.

— А дед Тихон непростой оказался,— рассуждал старший Сергей.— Они что ж, на самом деле с этим фашистом собирались в церкви дьявола изловить?

— Не знаю,— задумчиво ответил Влад.— Только теперь, наверное, всё успокоится, и скучно станет. Да и отпуск у батьки к концу идёт, значит, поеду обратно до хаты, в Россию.

— Расскажешь там наше приключение, Владик? — поинтересовался Витя.— Как думаешь, поверят?

— Если днём расскажу, то не поверят, а вот если ночью где-нибудь в лагере, тогда ещё как поверят,— философски заметил Влад.— В общем, зависит от того, как рассказать.

Над Таборовом светало. Вместе с уходящей тьмой растворялись все их мальчишеские страхи, от которых через много лет останутся лишь детские воспоминания, приукрашенные за чаркой горилки несуществующими подробностями, отчего уже их дети будут слушать своих батьков, раскрыв от удивления рты, веря каждому сказанному слову. А кто ж проверит?..

Пока с утра участковый Руслан заканчивал разборки с таборовской нечистью, оказавшейся вполне себе земной человеческой сущностью, в селе произошло ещё одно весьма важное событие. Гриша решил снова жениться.

— Гриша, я считать не буду, потому как собьюсь, но чувствую, что у тебя с математикой в школе добре было,— язвил уже четверть часа Василь.— Скажи цифру, будь ласка.

— Семь, семь, Василь, отцепись,— взволнованно бурчал жених.— Ну где она?

Седьмая невеста Гриши появилась у сельской Рады ровно в десять, и село, которое после истории со старым храмом трудно было чем-то удивить, ахнуло отвисшей до самой земли коллективной челюстью: Олеся! Самая первая Гришина жена стояла в нарядном белом платьице и такой же белой косынке на уже начинавшей седеть голове.

— Нет, ну точно без нечистого не обошлось,— полезли колючие слова из Сашка, пока Олеся стояла поодаль.— Куда участко-

вый смотрит? Гриша, ты скажи как мужчина мужчине: что — они уже все позаканчивались? Ты на второй круг заходишь?

— Тикай, Сашко, от моего семейного счастья! — зашипел Григорий. — Знаю, что роблю.

— Ты как себе знаешь, но не благословить вас не могу,— не унимался тот. — Как распишетесь, сразу в хату — буду ждать.

— Изыди, дьявол,— заскрипел зубами жених. — Если хочешь знать, я у отца Серафима благословение получил.

— Ты диви — конкуренция, что характерно,— отступил, картинно вытаращив глаза, Сашко.— Двое нас с Серафимом на одно село. Ну ты ж покаялся сперва, как положено? Всё, что между двумя Олесями,— прелюбодейство.

— Замолчи, нехристь! — появилась Нина.— Поздравляю вас, Гриша. Совет да любовь!

— Картина «Возвращение блудного мужа»,— успел вставить Сашко.— Молчу я, маты, молчу...

А Олекса Юраков в это утро помер. Когда в Раде, наконец, собрались, чтобы расписать Гришу с его первой и последней женой, позвонили из Сквиры и велели позвать к телефону Одарку. Обратно она шла по улице, шатаясь из стороны в сторону, беззвучно рыдая, ласково приговаривая:

— Олексушка, родненький мой!..

Сразу раздобыли телегу, заботливо устелив её свежим сеном, и запрягли в неё вороного Шахтёра — Гришиного коня. Шахтёр фыркал, бил землю копытом, словно чуя покойника за много вёрст. В доме Юраковых занавесили старое зеркало, приготовили лампадки, а Иван с сыном Василём, забравшись на чердак, спустили оттуда домовину, которую пару лет назад, так же втайне от Одарки, приготовил себе Олекса. Батюшка Серафим впервые за сорок лет, ко всеобщему удивлению, облачился в рясу и повесил на шею крест.

— Ну вот, а то снова бы Сашку работать пришлось,— невесело пошутил дед Иван, осматривая гроб.— Не маловат он ему будет? Эх, Олекса, Олекса, получается, не выпьем больше.

Село как-то сразу притихло, пригорюнилось своими, казалось, склонившимися головы подсолнухами, умолкло и без того тихой Раставицей, потемнело в садах грушами и шелковицами. Так же бесшумно взмахивали крыльями аисты, сидя на столбах в небе, и только соловьи распевали свои трели над этим поднимающимся жарким полднем. Одарка, наконец, утерев слёзы, села в телегу и, взяв вожжи, отправилась к любимому, а мужики стали обсуждать, где на местном погосте будут копать деду Юракову могилу.

— Там батько и маты его лежат,— припоминал место дед Иван.— Берёза там, которую он сам сажал, выросла. Не знаю теперь, хватит ему земли или не хватит. Как-то на Радоницу на гробках выпивали, я ему говорю: на кой чёрт берёзу посадил? Надо ж место было оставить. А он: мне всё равно, где отсыпаться. Помирать будто и не собирался.

— Никто не собирается, тату,— отозвалась Лена.— А всё одно надо.

— Юраков в церкви две ночи пролежит — так положено,— заметил Сашко.— И Серафим молитвы там читать будет.

— Господи,— тайком перекрестилась Лена.— Зачем? Да ну тебя!

Хлопцы, слыша весь этот разговор, поёжились, снова отчётливо представив себе ночной храм, свечи и иконы. А вдруг дьявол всё же на самом деле есть? Ведь видел этот немец кого-то в плаще и с шестью пальцами на руке в том сорок третьем. Владу отчего-то в голове нарисовалась страшная картина, где покойный дед Юраков ночью в церкви встаёт из гроба и тянет руки к отцу Серафиму, стоящему к нему спиной. Тьфу ты!

— Это как Одарка решит,— отрезала Лена.— Не командуй тут!

— Здравствуйте! — послышался за спинами уже знакомый весёлый голос.— Я карточки привезла! Ой, а дед Юраков ваш весёлый так хорошо на фото получился, зараз покажу! Прямо как в жизни.

Все, не сговариваясь, опустили глаза, и только появившийся невесть откуда пёс Мухтар завилял гостье своим видавшим виды хвостом и аккуратно начал обнюхивать её сумку.

— Вот, глядите! — достала из сумки пакет с карточками Светлана. — А где он сам?

— Накаркал себе Олекса с этими карточками,— подойдя к Светлане, не глядя взял пакет дед Иван.— Думал, над Богом тоже можно посмеяться, а не вышло у него. Нет его, дочка. Помер он.

— Как помер?!

— Как все помирают, так и он помер...

Жизнь у человека только одна, а впрочем, бывает, что и не одна. Бывает, происходит у человека такое событие, что он будто жизнь новую начинает. Вот и у Аркадия после той чёртовой карусели новая жизнь началась, и у батьки его Ивана после того, как из плена к лесу бежал, тоже. Да мало ли как случается. А бывает, выпьет иной человек горилки и скажет: если бы заново жизнь начать, я бы всё снова повторил! Как знать, как знать. Ну, положим, не всё. Вот Сашко не стал бы опять венчать молодых понарошку, а Аркадий не сел бы на ту карусель и не дурил бы хлопцев с фокусами, а просто объяснил бы им, что, показывая нижнюю карту, он чуть сгибает колоду рукой так, чтобы эту карту видеть. Гриша не купил бы ружьё и не женился бы семь раз — он бы вообще не женился, чтобы не испытывать судьбу. Немец Густав сделал бы всё, чтобы не было той страшной войны, а если бы она и случилась, то не пошёл бы воевать ни за что. Отец Серафим принял бы тогда в отделе НКВД мученическую смерть и сразу бы вознесся на небеса к Богу, не получив страшного проклятья не то от дьявола, не то от какого-то своего неведомого ангела-хранителя. А Василь... А Василь всё равно бы играл на своей гармошке, только ещё душевнее, дольше и чётче...

А пока до поминок Юракова ещё оставалось время, в Гришиной хате негромко отмечали его седьмую свадьбу. Не пропадать

же горилке, в самом деле. По мере того, как пустели бутыли, рассеивалась и грусть, словно взлетая с терпким дрожжевым запахом над продолжавшейся в Таборове жизнью.

— Ну, за молодых! — раз за разом соединялись чарки, все выпивали, и кто-то обязательно добавлял: — Весёлый был человек наш Юраков. Помните этот вот случай?..

История с поселившейся было в Таборове нечистью подошла к концу, и назавтра братьям надо было прощаться. Втроём они сидели на длинной скамейке у сеновала и молчали.

— Грустно как-то,— первым сказал Влад.— Уезжать не хочется.

— В следующем году увидимся, братишка,— попытался приободрить брата Сергей.— Ты там, в России своей, нас не забывай.

— Деда Юракова жалко,— вздохнул Витя.— Я его истории помнить буду.

— И я дома расскажу,— кивнул Влад.— Смешно это. Хоть и неправда, а смешно.

— А вдруг это нечистый его к себе забрал? — осторожно предположил Витя.— Вдруг всё это правда, а? Понял, что ни до нас, ни до деда Тихона ему не добраться, и Юракова забрал?

— Да брось ты, Витя,— успокоил его старший Сергей.— Нет никакой нечистой силы и не было никогда...

— Нечистая! Нечистая опять! — раздался в то же мгновение с улицы жуткий крик.— Ой, маты моя! Спаси и сохрани!..

Братья выскочили со двора, следом повыскакивали все отдыхающие из Гришиной хаты. В конце улицы появилась телега с запряжённым в неё Шахтёром. Помахивая кнутом, правил телегой... дед Юраков! Все остолбенели, а повозка продолжала неспешно двигаться, приближаясь к толпе. Кто-то начал креститься, Гриша успел подумать, не зря ли он затеял гульню до поминок Юракова, и лишь Василь, смело выйдя на дорогу, преградил покойному путь.

— Тпру! — гаркнул земным голосом Олекса.— Доброго дня всем! Гриша, я тебя поздравляю.

— Олекса, ты ж вроде как помер? — решил уточниться Василь.— Это точно ты?

— Я это, Вася, отцепись! — окончательно сошёл с телеги на грешную землю Юраков. — То-то доктор вчера в лекарне, которому я всё истории рассказывал, пьяный был. Я сразу подумал, что не к добру это. Юмор такой дурацкий! И наливайте уже...

К вечеру уставший Таборов снова заснёт. Все краски дня по чьей-то неведомой воле исчезнут с неба и отправятся в сны, и каждый сможет увидеть в них то загадочное и удивительное, чего не замечал в суматохе дел. А если к утру таборовские аисты совьют на вершине дерева новое гнёздо, то это будет означать, что в селе родился хлопец или дивчина. Неспешные воды Раставицы унесут с собой эти летние таборовские дни, выплеснут их в Днепр, где они соединятся с тысячами таких же дней, прожитых этим летом в сёлах всей Украины, и широкий Днепр вскоре отдаст их морю, в котором отыскать их будет уже невозможно.

2020 г.

Владислав Аркадьевич Зубченко
Таборов

Редактор Вячеслав Моисеев
Вёрстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
Обложка Эльмиры Асадуллиной

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 16.08.2021 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография «„Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 14287.

ISBN 978-5-907502-03-1

Владислав Аркадьевич Зубченко

родился и живёт в Оренбурге. В 1992 году окончил Оренбургский государственный педагогический институт, с 1992 по 2013 год проходил службу в МВД и МЧС России, подполковник в отставке.

Первые пробы пера сделал ещё в школьные годы, да так, что за юношеские стихи начинающего автора хотели даже исключить из комсомола. Сегодня член Союза журналистов России, заместитель главного редактора газеты «Сельские вести» Владислав Зубченко – автор более 200 стихотворений, рассказов и новелл. В 2019 году вышла в свет его книга « Рождённые огнём. Первый роман о российских пожарных», рассказывающая об пожарных Оренбурга XIX–XX веков.

Русско-украинская повесть «Таборов» – это произведение о нас, русских и украинцах, живущих под одним солнцем, размышляющих о насущном и вечном, смеющихся и плачущих и уходящих однажды в одно небо.